

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

ПОСЛЕДНЯЯ
ПАСХА
ИМПЕРАТОРА

ОЛМА МЕДИА ГРУПП

Александр Александрович Бушков
Последняя Пасха императора

Серия «Шантарский цикл»

Серия «Антиквар», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170079

Последняя Пасха императора: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2013
ISBN 978-5-373-03156-1

Аннотация

В мирной деятельности антикваров иногда случаются эксцессы. Визит милиции в магазин и обвинение в торговле холодным оружием – это еще цветочки.

А вот когда антиквару угрожают ножом с выкидным лезвием, да злоумышленников трое, да под ударом оказывается беззащитная девушка – вот тут-то Смолину впору разозлиться и достать наган.

С попытки ограбления неприятности Василия Яковлевича только начались. Бросок по тайге помог раскрыть многолетнюю тайну, ночевка в заброшенной деревне привела к знакомству с малоприятными людьми, вооруженными огнестрельным оружием, отдых в далеком городе Курумани преподнес целый букет сюрпризов, один из которых – правда о последней Пасхе императора.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Бушков

Последняя Пасха императора

Исключительные права публикации книги А. Бушкова «Последняя Пасха императора» принадлежат ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

© Бушков А., 2008

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», издание, 2013

* * *

*А искать сокровища – дело щекотливое.
Р. Л. Стивенсон «Остров сокровищ».*

Часть первая Антиквар в чащобе

Глава 1 О горячем эстонском парне

Смолин, тяжело вздохнув, ссутулился на скамейке. Он не чувствовал ничего, кроме досады и усталости. Самое время было хватануть еще пивка и завалиться спать до полудня.

– Вадик, бляха-муха... – произнес он сокрушенно. – И ради этого ты через весь город тащился, чтобы тут куковать на лавочке утренней порой? Ну ладно, ты как-то вычислил, где броневик на самом деле... И что? Я прекрасно понимаю: научный энтузиазм и все такое... Но дальше-то что? Поднимать броневик тайно... Это почти нереально. Это имело бы смысл только в том случае, если какой-нибудь чокнутый любитель старинной бронетехники предложил бы нам за него миллион баксов, но что-то я не вижу на горизонте желающих. С юридической точки зрения – броневик государственное достояние, предмет, мать его за ногу, большой исторической и культурной ценности, а это уже совсем другая статья... Очень уж этот броневик здоровый, гад. Так что не интересуется он меня. Тебя – да, с научной точки зрения, я понимаю, хоть и не интеллигент...

Смолин осекся и присмотрелся внимательнее к Коту Ученому. Очень уж выразительная была у того физиономия: хитрющая, загадочная, горящая азартом и даже вроде бы откровенным превосходством. Так что поневоле вспомнилась пара-тройка случаев, когда с такой же точно физиономией Вадим притаскивал информацию, от которой карманы всех заинтересованных лиц *резко* тяжелели...

– Честно говоря, Вася, сам по себе броневик меня тоже не особенно интересует с научной точки зрения, – протянул Кот Ученый. – Научная его ценность стремится к нулю, особенно в наши капиталистические времена. А вот то, что с огромной долей вероятности может в нем храниться до сих пор... Вот *она* меня интересует гораздо больше да и тебя тоже...

Дурное настроение и хандра помаленьку улетучивались, Смолин выпрямился, одним глотком допил остававшееся в баклаге пиво. Он и хотел верить в *нечто этакое*, и опасался беспочвенных надежд.

– Что там? – спросил он тихо и серьезно.

Из сумки, плотно придавленная папками с бумагами, торчала еще одна баклага темного пластика, но Кот Ученый доставать ее не стал, хотя и удостоил вниманием. Он откинулся на добротню выкрашенную зеленой краской спинку скамейки и, уставившись в чистое рассветное небо, принялся насвистывать – довольно мелодично, с большим воодушевлением.

Вскоре Смолину показалось, что он узнает мотив: музыкальная тема из фильма «Золото Маккены»: золото манит нас, золото вновь и вновь манит нас...

– Черт, да откуда там... – произнес он в полный голос. И, спохватившись, поднялся:

– Пошли в дом, что мы здесь...

Затолкать в вагончик Катю, открыть ворота и загнать машину во двор было делом нескольких минут. Хозяйственно захлопнув ворота и опустив железную перекладину в гнезда, Смолин вошел в дом первым.

В кухне с кружечкой чифирия восседал Глыба – в удобной для него и непривычной для исконно *вольного* человечка позе, по которой люди понимающие моментально опознают

сидельцев со стажем: на корточках, свесив руки с колен. Рядом с ним лезвием к двери поблескивал топор из смолинского хозяйства.

Завидев вошедших, Глыба не спеша поднялся, потянулся и многозначительно покопился на Вадика. Смолин мотнул головой, указывая спутнику на лестницу в мансарду:

– Шагай, я сейчас...

– Часа полтора, не меньше, возле дома колобродились какие-то два *мутных*, – шепотом доложил Глыба. – То с одной стороны пройдут, то с другой, у забора постоят, опять отойдут... Только когда стало светать, слиняли. И не похожи они, Червонец, ни на пьяных, ни на ширнувшихся: не шатались, не гомонили, кружили вокруг, как кошка у сметаны, Катька изгавкалась... И на ментов тоже не похожи.

– Понял, – рассеянно кивнул Смолин. – Ну, будем поглядывать и дальше, что тут еще сделаешь...

Он поднялся наверх по чуть поскрипывавшей лестнице и плотно притворил за собой дверь. Вадик уже разложил на столе туго набитые бумагами пластиковые папки числом три и еще какие-то листы, исписанные его аккуратным почерком, покрытые непонятными схемами и цифрами. Правда, и про пиво Вадик не забыл, водрузил на стол баклагу и как раз протирал носовым платком стаканы из шкафчика на стене.

Смолин опустился в кресло. Сна уже не было ни в одном глазу, зато привычный азарт прошелся по нервам приятной щекоточкой.

– Валяй, – потребовал он нетерпеливо.

Кот Ученый не без театральных пауз наполнил высокие стаканы, старательно следя, чтобы пена не пролилась на бумаги.

– Итак, утонувший броневик и сгинувшие красные орлы... – признал он тоном человека, привыкшего читать лекции. – Сначала версия официальная... точнее, засекреченная... точнее, обе вместе, потому что они неразрывно связаны... По официальной версии, Кутеванов и сопровождавший его красноармеец погибли, свержившись в реку на броневике при испытаниях захваченной у белых военной техники. По версии засекреченной, авария случилась оттого, что славный балтиец по пьянке решил покататься на броневике, не справился с управлением, зарулил в реку и выплыть не сумел ввиду все того же алкоголя. В пятьдесят девятом, к сорокалетию освобождения Шантарска от колчаковцев обком собрал доживших до юбилея ветеранов-свидетелей-участников и обязал их накропать мемуары. Они и накропали – причем целых четыре человека бесхитростно упомянули про печальную причину трагедии, сиречь водку. Разумеется, *эту* часть воспоминаний велено было засекретить и считать досадным огрехом...

– Да знаю я все это, – перебил Смолин. – А в перестройку вся правдочка всплыла и подлинные, без купюр, воспоминания только ленивый не печатал и не цитировал... Ты дело давай.

Кот Ученый, словно и не слыша, продолжал хорошо поставленным голосом, с лекторской интонацией:

– Вот только никто, ни одна живая душа не подошла к этому делу с позиций сыскаря. Собственно, и причин не было, так что не стоит насмехаться... Так вот, дело в следующем, Вася... Вся эта история – *вся!* – зиждется на показаниях одного-единственного свидетеля: товарища Вальде Яниса Нигуловича, комиссара героического полка и по совместительству начальника особого отдела. Каковой товарищ, будучи единственным трезвым в экипаже броневика, сумел все же вынырнуть и добраться до берега. Самую чуточку неприглядно выглядит тот факт, что он не пытался вытащить остальных... впрочем, как гласят архивы и анналы, пытался все же, несколько раз нырял добросовестно, но был в шоке, башкой обо что-то ударился при падении машины в реку, сил не было совершенно, боялся вот-вот пойти ко дну, а времени прошло столько, что остальные наверняка уже захлебнулись на дне... Так

он потом объяснял, и, судя по всему, его объяснения признали убедительными, никогда ни в чем не упрекали... вплоть до тридцать седьмого, но это уже отдельная песня. Так вот, до сих пор считалось – я и сам так думал – что Вальде указал неправильное место аварии из-за того самого шока – спутал место, бывает, пейзажи там однообразные... Но теперь, когда мы имеем вот это...

Он открыл одну из папок и продемонстрировал Смолину содержимое. Тот кивнул в знак того, что понял, о чем идет речь.

Это были бумаги из Кашеевых закров, переложенные в новые папки. Строго говоря, непонятно было, зачем они понадобились Кашею: небезынтересная подборка, стоившая некоторых денег, – но никак не раритет, не уникальное собрание. Всего-то навсего архив трех поколений эмигрантов Гладышевых, коренных шантарцев, ничем особенным не примечательных. Тогда в девятнадцатом, они всем табором застряли во взятом красными Шантарске: глава семьи, серьезный купец с супругой, его старший сын, свежееиспеченный инженер (опять-таки с юной супругой), младший сынишка-гимназист, еще какие-то тетушки-бабушки-приживалки. В конце концов, им каким-то чудом удалось по железной дороге добраться до занятых белыми мест, а оттуда податься в Харбин, где семейство и обосновалось на четверть века. В сорок шестом Гладышевы-сыновья с женами и народившимися в эмиграции чадами вернулись в СССР и пустили корни на сей раз во Владивостоке. Насколько Смолин помнил, оба брата давненько умерли, а наследники поступили, как многие в их положении: без особых угрызений совести продали архив оптом какому-то владивостокскому барыге, а тот, челноча по Сибири с антикварными целями, завез его в Шантарск и задешево толкнул Кашею.

Ничего уникального там не было: полсотни фотографий, разнообразные документы (китайские брачные контракты, которые и русские эмигранты обязаны были оформлять по всем правилам, справки-свидетельства-аттестаты, письма и поздравительные открытки и прочий хлам, скапливающийся у многих в укромных уголках), мелкие дореволюционные безделушки (бронзовые фигурки, стеклянные пресс-папье, наперстки-ножницы), несколько книг, отнюдь не уникальных, парочка толстых тетрадей (купец-патриарх явно пытался от скуки написать нечто вроде мемуаров)... Одним словом, кое-какие деньги выручить, конечно, можно, распродавая эту заваль в розницу или пуская в мелкий обмен, но суммы получатся смешными...

Еще разбирая наследство Кашея, Смолин вяло удивлялся, зачем старику понадобилось держать этот хлам в тайнике вместе с *настоящими* ценностями, но Кашея уже не спросишь, так что он вскоре махнул на это рукой, не пытаясь ломать голову над пустяками...

– Знаешь, что самое смешное? – спросил Кот Ученый. – Будь в бумагах пресловутая карта с кладом наподобие Флинтовской, ее бы, конечно, в оборот за копейки не пустили бы ни за что, придержали из чистого любопытства, на всякий случай... Но в том-то и соль, что найти концы мог только *здешний*, тот, кто неплохо знает шантарскую историю...

– Вадик, я тебя умоляю, не тани ты kota за яйца, – взвыл Смолин. – Любишь ты эффекты, я знаю, да года наши уже не те, и мы с тобой не юные кладоискатели из детской книжки... Давай уж к делу. Ты меня достаточно заинтриговал, ладно, я изнываю от нетерпения... Какие там еще штампы?

– Ну хорошо, изволь, – сказал Кот Ученый уже вполне серьезно. – Итак... Ага, некоторые детали, в которые ты наверняка и не вникал... Ты помнишь, чем занимались все Гладышевы в эмиграции?

– Сыновья были инженерами, – сказал Смолин. – То есть один в Маньчжурию приехал уже дипломированным инженером, а младший, после гимназии что-то такое закончил и тоже в инженеры подался.

– А патриарх? То бишь купец?

– Без понятия, – сказал Смолин. – Не интересовался. Ну, снова по купеческой части пошел, наверно...

– Ничего подобного. Глава рода, Кузьма Федотыч, буквально через полгода после того как семейство обосновалось в Харбине, говоря высоким слогом, обратился к Господу. Монахом стал. Самым натуральным, по всем канонам постриженным. Так монахом и помер в сорок первом. Это очень важная деталь... В общем, читай.

Он подал Смолину небольшую толстую книжицу в коленкоровом переплете под мрамор, как это было модно в старые времена. Не дожидаясь пояснений, Смолин открыл ее на закладке и по одобрительному кивку друга понял, что угадал. Аккуратные строчки, порывевшие чернила, орфография, разумеется, не «красная» – повсюду твердый знак в окончаниях слов, «яти» и даже кое-где натренированный взгляд моментально выхватил самую натуральную «фиту». Хотя дата сверху листа – двадцать пятое сентября тридцать седьмого года. Бывший купец, как многие, большевистские новшества не принял категорически...

Почти половину листа занимала старательно, по всему периметру приклеенная газетная вырезка. «Комиссары вновь жрут друг друга то ли как якобинцы, то ли как крысы в ведре». Это заголовок – из которого сразу ясно, что газета, конечно же, эмигрантская, кто бы еще себе позволил такую вольность в выражениях. Ну и что там... Очередные расстрелы в Москве... скрытое злорадство автора по поводу того, что коммунисты начали истреблять друг друга... длинный список. И одна фамилия старательно, ровненько подчеркнута чуть выцветшим красным карандашом: «...комбриг Вальде, политуправление Ленинградского военного округа».

Смолин перешел к рукописным строчкам.

«Промысел Божий смертными осознается не сразу, иными, пожалуй что, и никогда, но тот, кому повезло припасть к источнику мудрости Господней, рано или поздно прозревает пути Творца. Что до меня, смиренного, то не перестаю возносить хвалу Господу за то, что промыслил мне нынешнюю стезю. Во времена оны, в полузабытом Шантарске (а точнее, в Кузьмине) лютой злобою я исходил в адрес грабителей, коими был ограблен и бит, долго еще, недели и месяцы, посылал проклятья и покрытому татуировками, словно аляскинский туземец, матросу, и чухонцу с бритой актерской рожей и волчьим взглядом, и даже третьему, сошке мелкой, нижнему чину с красной звездой во лбу. В те поры, на речном берегу, в угнетенно притаившемся Кузьмине, мне казалось, когда я в бессильной злобе глядел вслед удалявшейся железной коробке, что жизнь кончена окончательно и бесповоротно. Господи Боже всеблагий! Как неумен, корыстен и животен я был, полагая конец жизни в том, что пришлось расстаться с тридцатью фунтами золота и драгоценностей! Как я был слеп, убог, нищ духом! Саквояж с накоплениями мне казался высшей жизненной ценностью... Слава Богу, прозреть мне удалось очень быстро – а вот понять замыслы Творца и величаваю неостановимую работу Господних мельниц, мелющих медленно, но верно, – лишь долгие годы спустя. Кем бы я стал в Харбине, не лишившись отобранного красными саквояжа, прибывши туда богатеем? Никаких сомнений нет, что очень быстро сделался бы компаньоном Петра Фомича, располагая изрядным капиталом, в его зарождавшийся торговый дом все и вложил бы... и опять-таки нет сомнений, что при таком обороте событий был бы вместе с Петром Фомичом, Никанором Лялиным и китаезой Бао Гунем убит маньчжурскими бандитами в ночь приснопамятной резни в главной торгового дома резиденции. И даже случись мне тогда, кто знает, уцелеть, все равно ждала бы участь хотя бы бедолаги Шахворостова – уцелеть-то он уцелел, да предприятие от разгрома так и не оправилось, в считанные месяцы захирело, а там дело япошки довершили, и призреваем теперь Шахворостов исключительно милостынею монастыря нашего. Был, был в ограблении моем большевиками перст Божий! Как же иначе, если сам я, найдя святую стезю, который год смиренно и честно несу служение монастырское, и сынишки, ставши не наследниками купца-миллионщика, а нищими,

долженствующими полагаться лишь на светлые головы и золотые руки, толковыми инженерами стали, на ноги поднялись благодаря неустанным собственным трудам, а не баткиному капиталу, не стрижке купонов или дележу дивидендов. Благодарю тебя, Господи, ежечасно!»

– Вот и всё, пожалуй, – сказал Кот Ученый, зорко следивший за бегавшим по строчкам взглядом Смолина. – Ну как, теперь соображаешь? Кутеванов, Вальде, саквояж, купец, село Кузьмино, до сих пор благополучно в той же географической точке пребывающее... Они не по пьянке кататься двинули. Они ехали в Кузьмино, где и вытряхнули у купца все нажитое непосильным трудом. Саквояж. Тридцать фунтов золота и драгоценностей... то бишь двенадцать с лихвой килограммчиков...

До Смолина только теперь начинало помаленьку *доходить*, как до пресловутого жирафа. Мысли путались и прыгали. В совершеннейшей растерянности он повертел в руках дневник, положил его на стол, снова взял... Спросил ошарашенно:

– Так они что же, экспроприировали купца?

– А что, разве есть другое толкование? Все изложено предельно четко.

– Но это могло быть во время *другой* поездки... – попытался Смолин мыслить логически.

– Хрен тебе! – торжествующе возгласил Кот Ученый. – Уж поездка-то эта историческая задокументирована во всех деталях! Во всех *известных* окружающим деталях... В воспоминаниях ветеранов говорится прямо, и не один раз – трое упоминают: Кутеванов с двумя другими поехал *впервые*. На *только что* отремонтированном в железнодорожных мастерских броневике. Поездка была первая и единственная. Может быть, балтиец и уговорил дозу. Очень может быть. Но в Кузьмино они определенно двинули с целью. До него и сейчас от границы Шантарска – километров семь, а в те времена, когда правый берег еще не был застроен, – и вовсе пятнадцать. Прикажешь верить, что они чисто случайно отмахали такой конец, а въехав в деревню, поинтересовались у первого встречного: «Товарищ раскрепощенный селянин, не подскажете ли, кто тут у вас хранит золото и камушки в больших количествах?» А селянин, простая душа, им и показал на домик, где ютился не успевший к последнему колчаковскому эшелону Гладышев с чадами и домочадцами? Нет уж, что-то в «случайность» это никак не укладывается. Выехали из Шантарска, целеустремленно проехали пятнадцать километров глухоманью, где одни мужики на телегах обычно трюхали, нагрянули в маленькую деревушку и быстро оттуда убрались с двенадцатью кило добычи... Такие вещи делаются исключительно по *наводке*. Вальде был особистом, видимо, сексоты ему и слили... Красные к тому времени в Шантарске сидели уже полтора месяца, было время обрасти агентуркой и, как водится, прочесать город с окрестностями в поисках как «бывших», так и оружия с ценностями... По наводке шли, наверняка. Ну, ты теперь сам способен реконструировать дальнейшее?

– Подожди, – сказал Смолин, все еще не в силах вернуть *стройность* мыслям, – подожди... Ладно, будем реконструировать... Они взяли саквояж, двенадцать килограммов... То ли монеты, то ли рассыпное золотишко – Гладышев и долю в прииске имел. Поехали назад в Шантарск... И тут броневик сверзился в воду, vyplыл один Вальде...

– *Без саквояжа*. Никакого такого саквояжа не отметили ни те, кто его встретил на дороге – какой-то чоновский разъезд, – ни ветераны, ни историки. Саквояж из мировой истории выпал быстро и надежно. А Вальде вдобавок указал неправильное место аварии... Что это все значит, с точки зрения авантюрного романа? Ну-ка, сопоставь и прикинь хрен к пальцу...

Смолин соображал – туго, медленно, но, кажется, наконец-то нащупал ниточку:

– Вадька, мать твою... – у Смолина сел голос. – Он что, их *шлепнул*? И столкнул броневик в реку... но совсем не там, где показывал потом?

– Вот лично у меня *другого* истолкования событий попросту нет, – заявил Кот Ученый непререкаемым тоном. – Только *эта* версия объясняет абсолютно все. Двенадцать килограм-

мов золота и камушков – это, знаешь ли, *вещь*. У кого угодно головка может закружиться – особенно в те лихие времена, особенно у человека, привыкшего недрогнувшей рукой лить кровушку. Товарища Вальде *переклинило*. И он наверняка их *кончил*. Что, трудно пристрелить людей, которые тебе верят и ни в чем таком не подозревают? Да как два пальца... Знаешь, кем Вальде был в прошлой жизни, при царизме? Потомственный рыбак с острова Сааремаа. Значит, плавать умел отлично. А знаешь, кем он был до революции, на первой мировой? Служил в автоброневом отряде. Значит, управлять броневикум умел. Застрелил Кутеванова и безымянного, красноармейца, направил броневикум в реку... А место указал другое. Сделал себе *заначку*.

– Заначку? – повторил Смолин машинально. – Думаешь... Думаешь, саквояж все еще там?

– Девяносто девять процентов, – сказал Кот Ученый тихо и решительно. – Один процент я оставляю на какого-нибудь случайного аквалангиста, который наткнулся на броневикум и спер саквояж, почему дело и осталось втайне. Но хлипконький получается один процент... Зато девяносто девять – за то, что золото так там и лежит.

– Допустим, – сказал Смолин, – допустим, он их грохнул... И саквояж с собой не взял...

– *Не мог* взять. Никак не мог. Представляешь себе эту картину? По проселочной дороге бредет товарищ комиссар с тяжеленным саквояжем. «Товарищей спасти я не смог, зато саквояж вытащить успел...» Это невозможно. Моментально начались бы вопросы, пошли бы пересуды и сплетни... Самый веский аргумент – *неправильное* место аварии, указанное комиссаром. Саквояж-то остался в *правильном*!

– Погоди, погоди... Он мог просто-напросто бояться, что отыщутся трупы с пулевыми ранениями, и его обвинят...

– Да хрена б кто его обвинил! Что ему стоило сплести убедительную сказочку? Остановились по естественной надобности, тут недобитые белогвардейские бандиты начали палить из прилегающей чащобы, Кутеванов и красноармеец погибли, а Вальде отстрелялся... Кто бы стал проводить баллистическую экспертизу и прочие заумные исследования? Это в Шантарске-то, в те времена?! Кто бы заподозрил полкового комиссара и особиста, цистерну крови пролившего ради мировой революции... Нет уж, по глубочайшему моему убеждению то, что броневикум пребывает в реке, как раз и является убедительнейшим доказательством того, что Вальде его превратил в этакий своеобразный сейф... и, в общем, весьма надежный. Взять саквояж с собой, закопать где-нибудь под приметной сосной? Чушь. Чересчур рискованно. Броневикум на дне реки – лучшая захоронка. Дней через несколько, когда все забудется и страсти улягутся, можно взять лошадку, преспокойно уехать в одиночестве – мол, встреча с тайной агентурой – нырнуть, вытащить клад, спокойненько перегрузить в «сидор» и увезти в город. Все. Резко разбогател чухонец, никто ничего не знает, никому ничего не надо объяснять.

– Ну, а если он все же...

– Достал потом? Вася, ты его биографию знаешь в подробностях?

– Без понятия.

– Эх ты, – усмехнулся Кот Ученый, – не интересуешься ты героями революции, жертвами сталинского террора... В том-то и цимес, что его выдернули отсюда совершенно *внезапно*. Броневикум утонул шестого, а уже восьмого товарища Вальде в Шантарске не было. Уж биография-то его издана подробнейшая – на волне перестроечных откровений и плача вселенского над жертвами «сухорукого параноика»... Потом считаешь. Утром восьмого пришла депеша из Москвы, в точности как в старом шлягере: дан приказ ему – на Запад... Товарищу Вальде предписывалось с первым же поездом отбыть на польский фронт. В те времена такое случалось сплошь и рядом, обсуждению не подлежало и требовало немедленного исполнения: если у тебя руки-ноги целы и не лежишь при смерти, изволь подчиняться воле

партии. Паспорт на выписку отдавать не требуется, бумажной волокиты не нужно, багажа нет... Пушку в кобуру, ноги в руки – и на вокзал. Он и уехал. А потом, как многие, стал мотаться по миру: полпредства в Афганистане, Варшаве, Стокгольме и Пекине, потом – политруком в армии, потом – борьба с троцкистами, коллективизация, прочие прелести... *Завертело* нашего комиссара, и никогда больше у него не нашлось времени завернуть в Шантарск... Я проверял тщательнейшим образом. Никогда больше он сюда не возвращался. Любопытно бы знать, что творилось у него в башке, какие воспоминания посещали, какие сожаления грызли... Хотя лично мне его нисколько не жалко, что его жалеть, гниду чухонскую... – Кот Ученый даже причмокнул от удовольствия: – Каково, а?! Помнить все эти годы, что на дне лежит двенадцать кило золота и драгоценностей – и не иметь возможности туда вернуться... Ох, как его корежило, должно быть... Ну, потом подуспокоился, конечно, тем более что вошел в красную элиту... и все равно, порой должно было корежить, тут и спору нет... Так изящно все было задумано, так беспроегрышно – и нате вам...

– Погоди, – сказал Смолин, – а не могло до золотишка добраться НКВД? Ему ж в тридцать седьмом как раз и пришили убийство Кутеванова, значит, могли допросить, вытрясти правдочку, послать людей потихоньку...

– Возможно, – сказал Кот Ученый, – но чисто теоретически. Все обстоятельства его бесславной кончины опять-таки подробно изложены в трудах перестройщиков – с опорой на архивные дела и воспоминания недостреленных. Подмели его и шлепнули в самое шальное время тридцать седьмого, когда грохотал *конвейер*: быстренько выбить показания, быстренько приговорить, быстренько шлепнуть. По этому делу шла целая группа, что-то там насчет связей с Тухачевским... Взяли их всех скопом, скопом мутузили, скопом расстреливали. В самые сжатые сроки. Никакой тебе индивидуальной разработки и долгих психологических игр. Великолепный сюрреализм получился, если разобраться: следак, который вел его дело, должно быть, копнул биографию и, высмотрев инцидент с броневином, возликовал: ага, тут и думать долго не надо, не стоит ничего придумывать. Тонул вместе с героическим командиром полка, выплыл один? Значит, по заданию троцкистов – так, между прочим, в деле – Кутеванова и ухлопал. Прецеденты известны. И никто представления не имел, что выдуманное на скорую руку обвинение, вот парадокс, было в данном конкретном случае чистейшей правдой... Следака, кстати, тоже шлепнули, когда пришел Лаврентий Палыч и принялся чистить органы от всякого дерьма... Что?

– Погоди-ка, – прервал его Смолин, глянув в окно. – Это определенно по нашу душу...

Прямехонько у калитки стоял милицейский «уазик», и доблестные силы правопорядка в количестве одного молодого сержанта как раз заглядывали через заборчик палисадника.

– Интересные дела, – процедил Смолин сквозь зубы. – Вроде бы ничего такого случиться не должно, но кто ж их знает... Ладно, *на виду* ничего предосудительного, да и оснований для обыска вроде бы нет. Сиди, а я пойду посмотрю.

Он проворно спустился на первый этаж. Глыба выглядывал из отведенной ему комнатки с настороженно-философским видом старого лагерного ходока, привыкшего в любой момент ждать от жизни самого худшего, равно как и неожиданного.

– Схоронись, – велел ему Смолин негромко. – По *твоим* хвостам нагрять не могли?

– Да не оставил я хвостов...

– Ничего с собой *такого*?

– Ничего, от чего отбояриться нельзя...

– Ну, ладненько, – кивнул Смолин. – Пойду погляжу, чем обязаны такому визиту...

Отпихивая ногой отчаянно пытавшуюся прорваться следом за ним в палисадник Катьку, он пролез в калиточку – со спокойным, благодущным видом предельно честного обывателя, ни в чем противозаконном не замешанного: почесывая пузо под футболкой, глупо улыбался, вообще держался раскованно.

Перекинулся парой слов. Сходил в машину, чтобы достать из бардачка права, как документ, в данном случае вполне удостоверяющий личность. Перегнувшись через хлипкий заборчик, расписался там, где указали – и вернулся в дом нимало не озабоченный.

– Ерунда, – бросил он выглянувшему Глыбе. – Свидетелем тащат, и заранее ясно, что не по собственному делу, какового, собственно, и нет...

Поднявшись в мансарду, налил себе полный стакан пивка и с большим удовольствием выцедил до доньшка. Чертыхнулся сквозь зубы:

– С-суки, вечно теперь нервотрепки ждешь...

– Что там?

– Да ерунда, – сказал Смолин. – Велено мне завтра быть в качестве свидетеля у дознавателя Кияшко. Это наверняка из-за Гоши, чтоб ему ежика родить супротив шерсти... Ну да, и адрес соответствующий... Ладно, это мы – махом... – он опустил в кресло и с силой потер ладонями лицо. – Блин, дадут когда-нибудь работать нормально... Итак... Что мы имеем? Есть шанс на то, что саквояж с его аппетитным содержимым все еще покоится на дне Шантары...

– Огромный шанс!

– Давай считать, что это просто *шанс*, – хмуро сказал Смолин, – чтобы потом в случае чего не было обидно за пустышку... Значит, что? Значит, нужна лодка и соответствующий аппарат...

– Мы с Фельдмаршалом за день провернем. Не бог весть что, раздобудем в два счета. Аккуратненько поплаваем, типа рыбаки, да и аквалангом никого на реке не удивишь, сам знаешь, у меня с этим неплохо...

– Знаю, – проворчал Смолин. – Ихтиандр ты у нас, чего уж там... Да и я ради такого дела сам нырну...

– Ты ж нырял-то раза два...

– Четыре. Кое-какой опыт есть. Я *сам* полезу, – твердо сказал Смолин. – Если найдем, я сам полезу. Я с детства слышу про этот долбанный броневик, с пионерского светлого детства... Даже реферат сочинял в пятом классе к какой-то дате, как сейчас помню...

– Думаешь, стоит?

– Стоит, – сказал Смолин. – Не бог весть какое свершение, вы, в случае чего, подстрахуете... Я его должен увидеть *сам*, понимаешь? Исторический броневик.

– Да ладно, ладно... Только вот что, Вася... На сей раз делим *поровну*. Согласись, ситуация требует. *Сейчас* не ты рулишь и организуешь, нам процент отстегивая, а я, собственно говоря, в одиночку и нарыл.

– Ценю твое благородство, – кивнул Смолин. – Мог бы и в одиночку шукать, никого не посвящая...

– Ну, мы ж – старая команда, – усмехнулся Кот Ученый. – Уж если мы начнем по углам сальце растаскивать и жрать в одиночку... Но все равно, Вася, дело такое, что требует *доли*.

– Да ради бога, – искренне сказал Смолин. – Я разве против? На всех поровну, коли уж специфика такая... Я разберусь с ментами и сгоняю в Предивинск за *копанкой*, а вы, соответственно, тем временем готовьте лодку и аппарат.

– И еще знаешь что? – улыбнулся Смолин.

– Что?

– Мы *найдем* броневик.

– Да уж надеюсь...

– Нет, Вадик, ты не понял, – сказал Смолин. – Есть там саквояж или нет, если мы найдем броневик – а куда ему, собственно, деться-то из реки? – мы его найдем широко и гласно, с большим шумом, с сенсациями падкой на подобные сюрпризы бульварной прессы, с телекамерами и прочей бодягой... Усекаешь?

– А – зачем?

– Что-то мне на старости лет возжелалось рекламы, огласки и прочих неосязаемых меркантильностей. Представляешь заголовки? Благородные возвращатели... – Смолин посерьезнел: – Слушай, ты все это, – он кивнул на рассыпанные по столу бумаги, – изучил?

– Абсолютно.

– Про саквояж только здесь упоминается?

– Ага, и нигде больше.

– Господи, прости, – пробурчал Смолин, аккуратненько выдирая страницу и сворачивая из нее некое подобие кулечка. – Не такой уж это научный и культурный раритет, чтобы переживать. Так что без лишнего чистоплюйства, не интеллигенты, чай...

Он щелкнул зажигалкой и поднес огонек к верхнему краю «кулька», держа его горизонтально. Высохшая за шестьдесят с лишним лет бумага занялась моментально, высоким бездымным пламенем, взметнувшимся поначалу так яро, что Смолину пришлось отшатнуться. Быстро исчезали темно-коричневые «яти» и «еры», таяли строчки покаянных раздумий. Когда пламя приблизилось к пальцам, он уронил пылающий кусок в пепельницу, а потом придавил пепел торцом зажигалки.

Не было ни угрызений совести, ни моральных терзаний, он не чувствовал себя ни преступником, ни вырожденком. Сокровища – остались они на дне или нет – были, строго говоря, *ничьи*. Хозяин покинул этот мир давным-давно, его сыновья – тоже, а наследники продавали фамильные бумаги совершенно добровольно, трезвые, вменяемые. В конце концов, чистой случайностью оказалось, что записи попали в единственное место на земле, где их смогли *понять*. А государство, которому по закону положено отдавать некую долю... Будем циничны: государство это своих граждан имело разнообразными способами столько раз, что можно разок отплатить ему той же монетой.

– Благостно, – кивнул наблюдавший за его огненными забавами Кот Ученый, наверняка обуреваемый теми же нехитрыми мыслями.

– Только не надо *загораться* раньше времени, – буркнул Смолин угрюмо, – чтобы не переживать, если что. Будем считать, что золотишко могли вынуть энкаведешники или просто случайные везунчики лет тридцать тому...

– Ладно, – охотно согласился Кот Ученый, – будем пессимистами, трудно что ли...

– Ну конечно, – сказал Смолин, – пессимистам жить легче, точно тебе говорю. Когда заранее не ждешь ничего хорошего, и разочаровываться не приходится...

Глава 2

Пляски вокруг кортика

Существовала, конечно, теоретическая возможность, что те самые компетентные органы в лице некоего продажного майора поставили на прослушку и его новехонькую, две минуты как активированную «симку». Однако что-то плохо верилось в *такую* расторопность помянутых органов: это же не голливудский блокбастер. К тому же против Смолина сейчас действовал не потенциал *конторы*, способный при иных условиях проявить нешуточную мощь, а один-единственный купленный козел, что, разумеется, возможности *оборота* сужает...

Так что Смолин, не терзаясь манией преследования, преспокойно набрал номер и, когда собеседник откликнулся, начал разговор убитым голосом:

– Сергей Леонидыч? Смолин некто... Я вас вынужден огорчить. Нет, не потому, что не достал... Как раз наоборот, достал, и великолепнейшую штуку, именно то, что вам требовалось. Беда только, что эту штуку у меня совершенно незаконным образом менты забрали... Да, вот именно. Прицепились к моему парнишке – ну, вы его помните – который по дурости провокаторам в штатском продал примитивный морской кортик... нет, вы-то тогда брали *добрый*, сталинский, а им он толкнул современную железку. Обыск устроили, выгребли все мои *предметы*... Да, я и сам прекрасно понимаю, что обязаны будут вернуть, но когда это еще будет, вы их знаете... А вам, я помню, срочно... Но что же тут поделывать, натуральнейший фарс-мажор с упором на первое слово... Я-то, сами понимаете, все выполнил четко, что заказывали, то и раздобыл оперативно – подлинное, великолепное просто. А дальнейшее, вы ж понимаете, предвидеть никто не мог. Ну, понятно, именно в таких предметах и кроется главная угроза, смешно их и сравнивать по степени опасности с какими-то жалкими автоматами-гранатами... Самое обидное, что времени осталось мало, и вторую такую мне уже в сжатые сроки не достать, такие вещи определенного времени требуют...

Закончив разговор, Смолин откинулся на спинку сиденья и цинично ухмыльнулся. Легко было представить, что за паническая злость воцарилась сейчас в паре-тройке достаточно высоких кабинетов областной администрации. Через три дня в славную Шантарскую губернию ожидается с визитом весьма значительный федеральный деятель. Как повелось со времен первых бюрократов, то есть наверное, с Древнего Шумера (или где там еще чиновничество оформилось как класс?), высокого гостя надлежало принять со всем пылом сибирского гостеприимства, тем более что власти областные кое о чем собирались визитера просить. А поскольку достоверно было известно, что главное хобби у гостя – императорский российский Холодняк, то знающие люди из «белого дома» моментально кинулись в первую очередь к Смолину.

Смолин, как обычно, не подвел. Поломавшись для приличия и посетовав на трудности ремесла и дефицит раритетов (когда это тароватый купец вел себя иначе?!), он безбожно задрал цену (у *этих* бабло не свое, не кровное, им его не жалко), зато, нырнув в свои закрома, и вещичку подобрал редкую, из особого фонда для таких вот случаев: не просто кортик российского авиатора, а наградной, с «клюковкой». Не «сборка», а подлинная вещица, дождавшаяся своего часа.

Ну, и переправил кортик в магазинный сейф, чтобы потом не ездить. И укатила редкость вместе со всем прочим, небрежно сваленным кучей в какую-то мешковину...

Смолин осклабился еще шире. Господа чиновники, точно известно, не утерпели и через окружение высокой персоны радостно проинформировали означенную, что именно ее ожидает во глубине сибирских руд. По той же достоверной информации, высокая персона пришла в восторг... И что теперь?

Разумеется, Смолин ни о чем не просил прямо своего чиновного собеседника, ни словечком, ни интонацией на *просьбу* не намекнул. Во исполнение полезного завета Михаила Афанасьевича и извечной лагерной мудрости.

Никогда ничего не просите. В крайнем случае лицемерно сокрушайтесь, напирая на то, что *свои* обязательства вы свято выполнили, а подобного форс-мажора ожидать не мог никто. Этого достаточно. Ручаться можно, что уже совсем скоро пришедшие в тоскливый ужас чиновнички начнут названивать милицейским деятелям в *тяжелых* погонах и трагическим голосом вопрошать что-нибудь вроде: «Потап Потапыч, когда твои обормоты перестанут фигней маяться? Заниматься им нечем, что ли?!» И последуют, к бабке-гадалке не ходи, некие действия – то бишь утробное начальственное рывканье...

Смолин набрал еще один номер и тем же сокрушенным, исполненным вселенской печали голосом пробубнил:

– Семен Сидорыч? Узнали? Богатым буду. Хотя с такими погаными сюрпризами вряд ли... Огорчить я вас хочу. Редкость ваша неожиданно оказалась в недрах вашего же ведомства как вещдок... Тут такие пляски...

Он в соответствующих выражениях вторично изложил недавнюю печальную историю – и, выслушав ответный рык, перемежавшийся семиэтажными конструкциями, опять-таки ни о чем не просил прямо, даже не заикался – просто-напросто в голос печалился и сокрушался, не зная, как жить дальше...

Эта коллизия выглядела еще более интересно: поскольку неплохой, в общем, мужик Сидор Сидорыч носил милицейские полковничьи погоны (кои, не исключено, мог сменить вскорости и на генеральские). И была у него одна, но пламенная страсть – клинки императорской Японии (вкупе, естественно, с Маньчжоуго и прочими подмандатными территориями). Тут как раз Смолину подвернулся японский кортик, сам по себе достаточно стандартный, но с неизвестной эмблемой на планке, каковая не значилась ни в одном каталоге. Даже с относительно близкими по времени клинками Европы и прочих континентов такое случается сплошь и рядом, что уж говорить о Стране восходящего солнца, где обожали разнообразие эмблем и деталей. Нюансов тут масса: скажем, флотский якорек с тросиком, имеющийся на эфесе, означает не просто флот, а департамент морских тюрем. Но это исключительно в том случае, если тросик перекинут через правую лапу якоря. А ежели через левую – то этот ножик носили при парадной форме не просто флотские, не просто плавучие тюремщики, а оркестранты означенного департамента. Условный пример, конечно, но именно так дело и обстояло.

Сидорыч, лет двадцать собиравший свою коллекцию, узрев неведомый специалистам экземпляр (подлинный стопроцентно!), конечно же, вспылал, воспламенился, как любой знаток на его месте. И ручаться можно, барабанит сейчас по клавишам, с матом вопрошая у коллег по конторе, какого хрена их подчиненные занимаются ерундой вместо дела... Отчего в скором времени опять-таки проистекут интересные коллизии. Как бы там ни обернулось, очень скоро у Летягина *накрученные* старшие пацаны начнут язвительно интересоваться, чем он, собственно, занимается вместо серьезного дела. И будет означенный товарищ приплясывать, как ужик на горячей сковородке... Боже упаси, никто не будет нарушать закон и оказывать давление на следствие – но вот некие закулисные кричалки, ворчалки, материлки вскорости произойдут...

Вот теперь можно было и предать себя в руки правоохранительных органов. Смолин вылез из машины, перешел улицу на зеленый свет и после недолгих неизбежных формальностей был допущен в здание РОВД, где, прикинув нумерацию, поднялся на третий этаж, постучался в нужную дверь и был призван внутрь.

В небольшой обшарпанной комнатке стояли два стола – один свободный, а за другим восседала ничем не примечательная особа в штатском лет сорока, чутко располневшая, со

скучным лицом бухгалтерши. Собственно, не восседала, а попросту пребывала – в унылом скудном интерьере.

– Здравствуй, – сказал Смолин нейтральным тоном, лишенным как подобострастия, так и напора. – Повесточка у меня тут, свидетелем к дознавателю Кияшко...

– Я Кияшко, – скучным голосом сообщила «бухгалтерша». – Давайте... Ну да...

И на ее физиономии отразилось еще большее уныние – от предвкушения новой бумажной бодяги, конечно. Стол у нее и без того завален папками, из которых, как тесто из квашни, лезли листы, листики, бланки пустые и бланки заполненные. Устраиваясь на шатком стуле, Смолин прикинул первые впечатления. Реальный дознаватель, как правило, и есть такая вот унылая баба, едва виднеющаяся из-за вороха осточертевших ей бумаг. Времена нынче спокойные и стабильные, а потому давным-давно канули в безвестность *яркие* типажи прошлого царствования вроде Даши Шевчук, незабвенной Рыжей. Как-то так получилось, что, когда пришел *стабилизец*, как-то скучно и незаметно улетучилась Рыжая из органов (вряд ли по своему горячему желанию), спокойно осела на хорошей пенсии, благо нешуточная выслуга позволяла, – и сейчас тихо-мирно работала у Равиля в его агентстве. Наступили времена, когда в некоторых конторах сильные личности оказались не ко двору...

Кияшко Н. В. тем временем извлекла прекрасно знакомый Смолину по прошлой жизни бланк протокола и нацелилась на него дешевенькой авторучкой:

– Значит, Смолин Василий Яковлевич...

– Ну, если точно, как в официальных бумагах полагается, то не Смолин, а Гринберг, – сказал Смолин и, предупреждая вопросы, положил на стол раскрытый на соответствующей странице паспорт. – По старой памяти меня кличут Смолиным, но я уж семнадцать лет как Гринберг. По бывшей жене. Романтическая была история, но рассказывать долго, да и зачем вам?

Он улыбнулся мечтательно и широко – про себя, разумеется. Все именно так и обстояло, паспорт был самый настоящий: на соответствующей страничке стоял штамп о заключении брака с гражданкой С. М. Гринберг, а на другой – о расторжении брака законным образом.

Милейшей особой была Сонечка Гринберг, восторженная сионистка из потомственных интеллигентов. Другая бы на ее месте содрала за подобную услугу приличные бабки, а вот идеалистка Соня, всерьез проникшись житейскими горестями утратившего все свидетельствующие о его еврействе документы В. Я. Смолина (житейские перипетии родителей, вихри враждебные государственного антисемитизма и все такое прочее), пошла навстречу совершенно бесплатно, добрая душа...

Тогда, в девяностом, Смолин, как и многие, не то чтобы боялся каких-то жутких катаклизмов на шестой части света, но всерьез задумывался: а не пойдут ли дела так, что придется *сваливать*? Не хотелось ужасно (кому он был нужен за рубежами Отечества, где в тамошний антикварный бизнес вклиниться было невероятно трудно), но времена настали такие, что поневоле дрожь до пяток прошибала и никто ничего не понимал...

Одним словом, тут и подвернулась Сонечка, с которой Смолин по всем правилам расписался – при полном одобрении интеллигентных родителей, тоже жаждавших помочь хорошему мальчику. Если бы *приперло* и пришлось бы вставать на крыло, то в этом случае Маэстро успел бы поработать со смолинским свидетельством о рождении так, что ни одна зараза в Эрец Исроэл не обнаружила бы подделки – кучу народу Маэстро обратил подобным образом в еврейство, и ни один из них на земле обетованной не оскандалился.

Какое-то время Смолин (ах, пардон, Гринберг!) прожил в Шантарске практически полноправным евреем – даже синагогу навещал, старательно припадая к истокам. В некотором смысле прекрасные были времена: достаточно было по поводу и без повода завопить истошно: «Люди добрые, гевальт! Черносотенцы еврея мордуют!», как на подмогу выскаки-

вала толпа перестроечных интеллигентов, не склонных вдумчиво разбираться, за что именно мордуют еврея и существуют ли черносотенцы в природе вообще. Ну, а облеченные властью лица, в том числе и доблестные представители органов, узрев могоеновид на шее, старались без особой нужды не связываться. Прекрасные были времена, право, даже жалко, что они ушли в безвозвратное небытие...

Ну с тех пор много воды утекло. Перестроечные интеллигенты частью вымерли, частью оказались на помойке истории, на вопли об антисемитизме не спешат реагировать мгновенно, а стараются, циники, разобраться в сути дела. На мифических черносотенцев теперь мало что свалишь, их в стране полтора идиота, три болвана да еще разве что постаревший Эдичка Цитрус. Соня Гринберг на земле предков давным-давно избавилась от романтического идеализма, владеет тремя кафе в Тель-Авиве и двумя в Хевроне, причем дела у нее идут успешнейшим образом: оказалось нежданно, что ее жизненное призвание как раз в том и заключалось, чтобы стать процветающей рестораторшей. Даже перезванивается с ней Смолин иногда, благо все попытки вытащить бывшего супруга в Израиль Сонечка давно оставила, ей теперь не до сионистской романтики: поставщики, официанты, налоговая, местные власти и прочие бытовые хлопоты – какая уж тут романтика и личный вклад в святое дело алии...

– Гринберг, значит...

– А вы что, супротив нас, евреев, что-нибудь имеете? – спросил Смолин без всякого запала, просто развлечения ради.

– Ох, да ни против кого я ничего не имею, мне б с вас показания снять... – не поднимая глаз от протокола, откликнулась Кияшко Н. В. – Под судом и следствием, конечно, не состояли...

– Конечно, – нагло солгал Смолин.

Строго говоря, он не лжесвидетельствовал.

Гражданин *Гринберг* под судом и следствием не состоял отроду, он за Смолина не ответчик.

Благо все судимости (тут уж Смолин в свое время озаботился) давным-давно законнейшим образом погашены, так что все в порядке...

– Ну, и что вы можете показать в качестве свидетеля по данному делу? – равнодушно спросила Кияшко Н. В.

Смолин пожал плечами:

– В качестве свидетеля по данному делу мне показать нечего.

– Это почему?

– Да потому, – Смолин снова пожал плечами: – я ж сам при прискорбном факте незаконной продажи не присутствовал, ничего не видел, не знаю ничего... Я даже слышал, что продавец мой показал, что никакой такой незаконной продажи не было, а попросту он...

Он изъяснялся многословно, открыто, с видом человека, готового просидеть тут до заката, словоохотливо толкуя обо всем на свете, – так оно гораздо лучше, чем с каменной физиономией уходить в отказ, талдыча про пятьдесят первую статью...

Видно было, что на Кияшко его готовность к словесному извержению оказала обратное действие: она явно чуточку испугалась, что придется слушать клиента долго. Поторопилась прервать:

– Я не в этом смысле... Никто и не говорит, что вы там были, что-то слышали, видели... Свидетель – понятие растяжимое. В данном случае...

Какое-то время она нудно, устало объясняла Смолину те процессуальные тонкости, которые он в свое время испытал на собственной шкуре. Однако, разумеется, не стал ее просвещать, а старательно, со вниманием выслушал, ответил с туповатым видом:

– Ах, вот оно что...

- Магазин, следовательно, принадлежит вам?
- Да, вот именно.
- А гражданин Большаков Игорь Петрович работает на вас по найму?
- Да, – ответил Смолин. – Что до трудовой, страховки и прочих необходимых деталей...
- Не нужно, не нужно, – оборвала его дознавательша. – Работает по найму... У вас в магазине это обычная практика – торговать холодным оружием?
- Отроду мы таким холодным оружием не торговали, – сказал Смолин, в данный момент являя собою столь заверченный образец порядочности, что с него можно было писать агитплакат типа «Дорогу честному бизнесу!» – Я человек законопослушный, торгую только тем, что законом разрешено... Поскольку...
- Так и запишем – не торговали... Следовательно, с гражданином Большаковым такое впервые?
- Ну конечно, – подтвердил Смолин. – Молодой, глупый, знаете наверняка, какие они нынче...
- Холодное оружие он продал по собственной инициативе?
- А, собственно, *какое* такое холодное оружие? – спросил Смолин бесстрастно. – Насколько я знаю, все вертится вокруг паршивого морского кортика... Мы с пацанами в детстве в войнушку с таким играли...
- Вы тогда законов не нарушали, – не поднимая глаз, сообщила Кияшко. – Если речь о детях, кончилось бы изъятием... А ваш Большаков холодное оружие продал. Чем совершил уголовно наказуемое деяние.
- *Кортик* он просто дал посмотреть под залог.
- Тем же тусклым голосом Кияшко произнесла:
- Есть акт экспертизы, признающий данный кортик холодным оружием, тем более образцом штатного вооружения...
- «Учтем», – подумал Смолин и сказал:
- Я ваших тонкостей не знаю... В общем, с ним такое впервые – так и запишите.
- Впервые... – она написала несколько слов. – Теперь об изъятom в вашем магазине другом холодном оружии...
- Это о котором же?
- Вот акт изъятия. У вас должна быть копия.
- Ах, это... Ага, есть копия. Но при чем тут «холодное оружие»? В акте ничего подобного не написано, тут просто: «сабля в ножнах, с эмблемой на эфесе в виде...» и так далее.
- На него тоже есть акт экспертизы. Практически все представленные образцы признаны холодным оружием... Кому оно принадлежит, Василий Яковлевич?
- Мне, – ответил Смолин с тем же туповатым выражением лица. – А что, по этому поводу могут быть какие-то претензии? Мне адвокат давно растолковал все подробно: ни хранение, ни даже перевозка холодного оружия уголовным деянием не считаются. Я ж им не торгую и, боже упаси, не изготавливаю.
- Значит, все перечисленное в акте...
- Моя собственность, – сказал Смолин. – Надарили кучу в свое время, знали мою слабость... Кто в точности, уж и не упомнишь, столько лет прошло...
- Вы коллекционер?
- Я-то? – пожал плечами Смолин. – Отроду ничего не коллекционировал.
- Зачем вам тогда столько сабель и прочего? Если вы не коллекционер? Существуют строгие правила экспонирования коллекций...
- Да говорю же, никакой я не коллекционер, – сказал Смолин преспокойно. – Просто... Я тут домик купил наконец, вот и обустроиваю. У каждого свои причуды. Мне захотелось, чтобы на стене в кабинете висело штук двадцать сабель. Столько раз в кино видел, в замках

всяких лордов... Но это ведь еще не означает автоматически, что я сразу уж «коллекционер». Вот вы мне скажите: есть в кодексе, вообще в законах точное, юридически выверенное, четко сформулированное понятие «коллекционер»?

Кияшко наконец-то подняла на него глаза, помолчала и с некоторым удивлением призналась:

– Что-то не припомню... А ведь в самом деле...

Смолин самым циничнейшим образом ухмылялся – понятно, про себя. Действительно, существовали особые регламенты, касавшиеся оружейных коллекций. Но не существовало точного, юридически выверенного, четко сформулированного понятия «коллекционер». А потому не было в природе юридической заковыки, позволяющей навесить ярлычок, вот этот – именно что коллекционер, а тот – просто-напросто стену украшает старыми шпагами красоты ради...

– Знаете магазин «Рукоделие»? – спросил Смолин. – Ну вот... в витрине куча старинных утюгов, прялок и прочего. Добрую половину, кстати, хозяйка у меня покупала. И что, ее можно назвать коллекционером? Это просто *интерьер*. Вот так и со мной обстоит. Никакой я не коллекционер, просто хочу, чтобы в кабинете было красиво... Если я, с точки зрения закона все же «коллекционер», так и объясните...

Она отмахнулась:

– В конце концов, это не мое дело... Значит, все перечисленное в акте принадлежит вам?

– Ага.

– А с какой целью вы все это держали в магазине?

– Ну уж не для продажи, конечно, – сказал Смолин спокойно. – Я, понимаете ли, через месяц планирую дом закончить, развесить все, расставить... Есть хороший мастер, который быстро, качественно и недорого все реставрирует – что опять-таки законам не противоречит. Ножны покрасить, рукоять укрепить, чтобы не болталась, винтик вставить... Реставрация, одним словом. А то половина вещей такие убитые... Почистить, чтоб блестело, а то и никелировать...

– А координаты мастера дать можете?

– Пожалуйста, пишите. Он легально работает, кузнец с лицензией...

Координаты можно давать смело, никого не подводя: Паша-Молоток человек свой, все подтвердит в лучшем виде...

– Парнишку жалко, – заметил Смолин, когда в процессе обозначилась некоторая заминка. – Вы уж скажите по секрету, какие перспективы? Ведь глупость совершеннейшая, если подумать...

– Перспективы... – Кияшко Н. В. покривилась, будто лимона щедро откусила. – У меня и так дел не впрок, а тут еще подсовывают такое... – спохватившись, она приняла официальный вид: – Прочитайте и напишите вот здесь: «Мною прочитано и с моих слов записано верно»... Если у вас есть замечания...

– Да нет, – проворчал Смолин, – все правильно... Где, здесь?

– И внизу каждой страницы поставьте... ну, как букву «зет».

– Интересно... – сказал Смолин, притворяясь, будто рисует эти «буквы зю» впервые в жизни.

...Покидать здание, будучи отправлен восвояси, он не торопился – срочных неотложных дел не было, все только что происшедшее следовало обдумать в темпе вальса. Он стоял у выходящего на широкий двор окна, хмуро наблюдая, как здоровенные ребята с резиновыми аргументами на поясе выгружают без особых церемоний из старенького «лунохода» табунок щупленьких субъектов среднеазиатского вида: ага, опять, надо полагать, незаконных мигрантов наловили...

Итак... Судя по первым впечатлениям, дознаватель Кияшко Н. В. и впрямь является той, за кого себя выдает: то есть до предела замотанной, усталой бабой, вынужденной ежедневно перелопачивать чертову уйму казенных бумаг, значительная часть коих яйца выеденного не стоит, потому что посвящена пустякам, *формализму*. Девятый вал канцеляриста, какого в любой системе выше крыши...

Конечно, все это теоретически может оказаться хитрейшей игрой, а Кияшко Н. В. – великолепной актрисой, блестяще изобразившей замотанную жизнью и ненужной работой простую русскую бабу. С ментами нужно держать ухо востро и не вестись на то, как они *выглядят* ...

Вот только у Смолина был достаточно богатый опыт общения со всевозможными операми-кумовьями – достаточный, чтобы полагаться на чутье, интуицию, нюх. Все вышеперечисленное как раз прямо-таки кричало, что верны именно первые впечатления. Что с дознавателем все обстоит именно так, как он сейчас думает: дело это она воспринимает исключительно в качестве досадной обузы, прекрасно осознавая его ничтожность и тягостные перспективы. Премияльных ни рубля не получит, а вот времени и сил на пустяшные бумаги убьет массу...

Зачем, скажите на милость, подсовывать сейчас Смолину великолепную актрису и вести тонкую игру? Ради заполнения того убогого протокола, который он только что подписал, украсив внизу каждую страницу буквой «зю»? Не стоит овчинка выделки, ей-же-ей...

Одним словом, оставляя все же некоторый малый процент на возможные неожиданно-сти, следует признать, что дела обстоят следующим образом: коварных подходцев пока что нет, тонкой игры нет, Смолина выдернули, чтобы подписать рядовую, формальную бумагу. Ну, а когда до этой тетки доберется в скором времени разъяренный утратой «японца» Сидорыч... В общем, еще побарахтаемся...

– Господин Смолин! – прервал его размышления хрипловатый женский голос.

Смолин остановился и без излишней поспешности поднял голову. Дорогу к машине ему преграждала целая компания: некто, судя по доступной обзорности части туловища, безусловно мужского пола, нацелился на Смолина объективом здоровенной видеокамеры, второй торчал на подхвате с охапкой каких-то кабелей, а дамочка, стоя меж обоими упомянутыми, тыкала микрофоном чуть ли не в смолинский нос и возбужденно тараторила, словно опасалась, что он все же немислимым кенгурячьим прыжком их перепрыгнет и бросится наутек:

– Шестнадцатый канал, передача «Городские сенсации»! Господин Смолин, вы не откажетесь прокомментировать последние события?

Смолин остановился, приосанился и, от всей души надеясь, что его улыбка имеет несомненное сходство с голливудской, начал, глядя старательно в объектив:

– Охотно. Последние события, на мой непросвещенный взгляд, демонстрируют, что президентские выборы в США будут чертовски интересными и непредсказуемыми...

Телевизионная дамочка прямо-таки шарахнулась, отведя микрофон в сторону так резко, словно Смолин собирался откусить половину. Смолин таращился на нее невинно и благожелательно, с обаятельнейшей улыбкой.

Ящик он периодически смотрел, конечно – и об этой персоне имел некоторое представление, цензурными словами никак не описуемое. Это и была звезда шестнадцатого Нателла Чучина по прозвищу Чуча, известная фантастической тупостью и проистекавшим отсюда невежеством решительно во всем. Беда только, что она тем не менее с поразительной назойливостью маячила на экране, как ворона над помойкой, с невероятным апломбом выдавая в эфир такие перлы, что имевшие однажды неосторожность согласиться на интервью потом от нее бегали как черт от ладана. Примечательное было создание: рост метр с шиньоном,

курносая вечно обиженная физиономия страдающего поносом мопса, похмельные мешки под глазами даже в трезвый период. Соплей перешибешь – но вреда и вони от нее...

Смолин моментально подобрался, словно шлепал на лыжах по заросшему летней травкой минному полю. Ухо следовало держать остро и базар фильтровать с величайшим тщанием – иначе Чуча, ухватившись за случайную обмолвку, такую интерпретацию выдаст в эфир, так расцветит собственными идиотскими комментариями, что света белого не взвидишь. Сам он до сих пор с ней не сталкивался, но телевизора-то посмотрелся...

– Ну что вы шутите, – обиженным тоном протянула репортерша, вновь тыча микрофоном ему в нос. – Я имею в виду последние события вокруг вашего магазина.

– Это какие? – с безмятежным видом осведомился Смолин, продолжая улыбаться будущим зрителям, словно два Ричарда Гира и полдюжины Ди Каприо.

– Ну у вас же в магазине торговали оружием...

– Впервые слышу, – изумился Смолин. – В моем магазине отроду оружием не торговали.

– То есть как? У вас же был обыск?

– Следственное мероприятие под названием «обыск» еще не является следствием торговли оружием, – охотно разъяснил Смолин скучнейшим тоном бывшего лектора по марксизму-ленинизму, выступающего перед пенсионерами в ЖЭКе.

Он с нескрываемой радостью отметил, что Чуча оказалась моментально сбитой с панталыку и нить разговора на какое-то время потеряла. Впрочем, благодаря большому опыту она оклемалась почти сразу же, напористо, прокуренно захрипела:

– Вы же не будете отрицать, что вашего продавца арестовали за торговлю оружием?

– Это вас кто-то обманул, – светски улыбаясь, поведал Смолин. – Никто моего продавца и не думал арестовывать, он на свободе пребывает, совершенно как мы с вами...

– Но он торговал оружием?

– Каким? – ласково, благожелательно спросил Смолин. – Уточните, пожалуйста. Оружие бывает огнестрельное и холодное, газовое и травматическое, спортивное, боевое и гражданское, составляющее принадлежность национального костюма. Есть еще категория предметов, оружием с точки зрения закона не являющаяся, но становящаяся таковым исключительно после того, как с помощью этих предметов было совершено деяние, подпадающее под категорию уголовного преступления...

Телезвездочка таращилась на него прямо-таки очумело – то, что Смолин говорил, явно не умещалось в пространстве ее немногочисленных извилин. Нетрудно было догадаться, что выстроенная ею нехитрая тема разговора пошла насмарку.

Смолин ждал, сияя улыбкой. От собаки бежать ни в коем случае нельзя – цапнет за ногу. Точно так же весьма чревато уходить быстрым шагом от какого-нибудь шакала телекамеры – снимет твою удаляющуюся спину и прокомментирует, как его левой пятке, угодно. Нам скрывать нечего, мы люди контактные и с прессой всегда готовые общаться живейшим образом...

После недолгого промедления Чучина вновь ринулась в атаку:

– Ваш продавец нож кому-то продал?

– У меня приличное заведение, – обиделся Смолин, – и продавец у меня – парнишка приличный, с высшим образованием, интеллигент в первом поколении, можно сказать. Ножам сроду не торговал, вас, точно, обманул кто-то...

– Кортик! – обрадованно взвизгнула репортерша, что-то определенно припомнив и вернув себе некоторую уверенность. – Он морской кортик продал!

– Да не продавал он никаких кортиков, – с величайшим терпением и нетускнеющей голливудской улыбкой сообщил Смолин. – Разве что дал кому-то посмотреть кортик, а на него зачем-то дело завели...

– В милиции говорят, что он торговал оружием...

– Говорят, в городе Рязани пироги с глазами, – резвился Смолин, – их едят, а они глядеть...

– Я вас серьезно спрашиваю.

– А я вам серьезно отвечаю, мадемуазель: я же не служу в милиции и не могу знать, что там говорят...

– Но вас же только что допрашивали по этому делу?

– И тут вы что-то путаете, право, – вздохнул Смолин. – Я сюда заходил узнать, как документы на охотничье ружье выправляют. Решил вот на старости лет рябчиков пострелять, говорят, супец получается классный...

Он имел все основания чуточку гордиться собой: за все это время так и не ляпнул ни одной неосторожной фразы, которую можно было, выдравши из записи, интерпретировать гнусным образом. И сохранял полнейшее спокойствие, хотя так и подмывало высказать этой выдре все, что он о ней думает. Он помнил прошлогоднюю зимнюю передачу с участием Чучи – в центре, в арке кого-то застрелили в ходе неких разборок, и эта дура, стоя на том месте, где лежал труп, преспокойнейшим образом разгребала сапожком нападавший снег, чтобы явить взору телезрителей темное пятно заледенелой крови. Дело тут не в душевной черствости – просто такая уж дура по жизни...

– Задавайте ваши вопросы, – с той же простодушной готовностью сказал Смолин.

– Я и спрашиваю: в вашем магазине торговали оружием?

– Никогда в жизни.

– А как насчет кортика?

– Я же только что объяснил, в чем там было дело...

– Но в милиции говорят...

– Это их гражданское право – говорить, – парировал Смолин.

– Значит, вы хотите сказать, что у нас в Шантарске нет антикварной мафии?

– Да откуда ж ей взяться? – Смолин пожал плечами. – Экие вы страсти говорите. Откуда у нас антикварная мафия? Ужасы какие...

– И оружием вы не торгуете?

– Хотел я во время индо-пакистанского конфликта продать одной из сторон с дюжину танков, – сказал Смолин. – Но танков под рукой не нашлось, да и плохо представлял я, как такие дела проворачиваются...

Тот, что стоял со связкой кабелей, откровенно ухмылялся, предусмотрительно отвернув физиономию в сторону. Смолин благожелательно улыбался. Телезвездочка, дураку понятно, оказалась в тупике, что, похоже, сама понимала.

– А что у вас отобрали при обыске?

– У меня? – вновь пожал плечами Смолин. – Ничего у меня не отбирали. Вообще, в нашем законодательстве нет такого понятия «отобрать» применительно к правоохранительным органам.

– Но они у вас забрали...

– И понятия «забрать» тоже нету. Ничего у меня не забирали.

– Но у вас же был обыск?

– У меня? – недоуменно вылупился на нее Смолин. – Не было у меня никакого обыска.

– Я имею в виду, в магазине...

– Ах, в магазине... В магазине имело место...

– А что там забрали?

– Ничего там не забирали. Я же объяснял вам, что понятия «забирать» применительно к...

Тот, что с кабелями, не вытерпел, наклонился к уху начальницы и страшным шепотом подсказал:

– Изъяли...

– Вот! – обрадовалась та. – Что у вас в магазине изъяли?

– Всякую ерунду, – сказал Смолин, – пару-тройку старинных шпаг и тому подобное...

– Вот, а вы говорите, что оружием не торгуете!

– А это никакое не оружие. И я ими не торгую. Обещали посмотреть и вернуть. Нет такого закона, по которому человеку запрещалось бы держать хоть дома, хоть в магазинной подсобке старинные шпаги... У вас будут еще вопросы?

Ей давненько уж хотелось с минимальным уроном для репутации убраться восвояси, и она моментально ухватила за смолинские слова, проворчала:

– Нет больше вопросов...

И повернулась спиной, раздосадованно сматывая шнур микрофона. Сразу видно, что задуманный ею лихой наскок на подпольного торговца оружием с треском провалился.

Все трое побрели восвояси. Смолин еще успел громко сказать вслед:

– Всегда к вашим услугам, дамы и господа! Свободная пресса – наше завоевание...

Троица и ухом не повела, рысцой удаляясь к серебристой девятке с эмблемой телекомпании и соответствующей надписью во весь борт. Нехорошо прищурясь, Смолин смотрел им вслед. И в *эти* совпадения он не верил. Кто-то должен был дать им наводку, слить точное время и место... а кому это проще всего сделать, как не грозе преступного мира майору Летягину? Особого вреда от рыжей Чучи не будет, но ручаться можно, что какую-никакую передачку она в эфир запустит, отчего лишний раз нервы позвенят, как гитарные струны...

Отгнав соблазнительное видение – двух бородатых катов в красных рубахах, которые взапуски охаживали Чучу плетьюганами по голой тощей заднице, – Смолин печально вздохнул и направился к машине.

Глава 3

Провинциальные сокровища

Давненько уж Смолин не нырял с головой в самую что ни на есть гущу народной жизни – и впечатления были, что скрывать, не из приятных. Разболтанный «пазик», ожесточенно громыхая всеми сочленениями так, словно собирался вот-вот рассыпаться на составные части, катил по раздолбанной дороге, битком набитый всевозможными обитателями райцентра Предивинска. Кто-то вез с собой неподъемные сумки, непонятно чем набитые, кто-то с провинциальной непосредственностью тыкал локтем Смолину то в грудь, то в печеньку, еще кто-то непринужденно топтался по ногам. Окошки были распахнуты настежь, но все равно в автобусе витали ядреные ароматы, наглядно свидетельствовавшие, что местные жители отроду на дезодоранты не тратились и даже слова такого буржуйского не слыхивали, а носки меняли исключительно на водку. Порой в эту симфонию вплеталось благоухание технического спирта. Плотной сбита человеческая масса равнодушно и слаженно подпрыгивала на ухабах, не замечая таковых, не заморачиваясь толкучкой и запахами, попутно ведя оживленные беседы о местных сплетнях, безрадостных перспективах на будущее и, разумеется, разворовавших страну олигархах. Зажатый на задней площадке Смолин стоически терпел всю эту экзотику, отмечая про себя, что Инге все же приходится чуточку полегче – она, бедолажка, пользуется в Шантарске общественным транспортом, а значит, обладает некоторым иммунитетом. Сам же он старательно себе внушал, что не стоит принимать все близко к сердцу – это ненадолго, в конце концов, километров шесть туда и столько же обратно, подумаешь... Угрозило же товарища Евтеева, делавшего первые шаги на скользкой дорожке подпольной торговли антиквариатом, обосноваться не в самом райцентре, а в его, изящно выражаясь, пригороде...

Можно было, конечно, двинуть в этот самый пригород на машине, что отняло бы несколько минут, но Смолин из мелочной предосторожности оставил «Паджерик» в центре Предивинска, чтобы не светиться.

Настроение, впрочем, было не таким уж и унылым. Во-первых, вскоре предстояло обрести приличную грудку «скифья», сулившего нешуточную прибыль. Во-вторых, ожидая в центре Предивинска, возле мелкого базарчика, отправившуюся по своим журналистским надобностям Ингу, он не потерял времени зря. Как и подобает хваткому антиквару, *случая* не упустил. Углядев среди бабок с пучками редиски и пластиковыми ведрышками масляток подвыпившего деда, разложившего на брезенте всякий железный хлам вроде старых замков, гаечных ключей и вовсе уж непонятных ржавых хреновин, перекинулся с ним парой слов – и уже через минуту оба энергично двинули к деду домой. Через четверть часа Смолин за смешные по шантарским меркам деньги стал обладателем почти неношеных галифе с гимнастеркой (конец сороковых, п/ш), трех фарфоровых статуэток (те же времена, фарфор не битый, повезло), полузабытого ныне романа Жюль Верна «Завещание чудака» («виньетка», издание сорок первого года) и серебряной чарочки с *чекухами* германской империи. Уже собравшись уходить, он вдруг обнаружил, что к старому серванту в углу варварски приколочена гвоздем здоровенная, чуть ли не в ладонь бронзовая кокарда, какую носили в некоторых полках австро-венгерской армии, – двуглавый орел с мечом и скипетром в лапах. Убедившись, что странный заезжий горожанин готов и за эту дрянь кое-что заплатить, дедок кокарду в два счета отодрал. Если не считать дыры от гвоздя, состояние у нее было идеальное, разве что почистить следовало. Настоящий антиквар, как уже неоднократно подчеркивалось, не должен пренебрегать любой мелочью, поскольку продать с некоторой прибылью можно все. Тем более что конкретный покупатель на кокарду заранее имелся – один из шантарских профессоров, питавший пламенную страсть к любым подлинным предметам, про-

исходившим из Австро-Венгерской империи. Дед у него был, изволите ли видеть, австро-венгр, заброшенный в Шантарск перипетиями первой мировой да так тут и прижившийся...

«Пазик» описал широкую дугу, выкатил на обширное немощеное пространство, обрамленное покосившимся забором, затормозил с визгом и скрежетом. Судя по бодрой реакции утрамбованных аборигенов – конечная. Дождавшись, когда задняя площадка опустеет, Смолин подхватил не особенно и объемистую сумку с недавней добычей, спустился наземь и подал руку Инге.

Огляделся. С двух сторон тянулись высокие, протяженные сопки с пологими, заросшими сосняком склонами, а меж ними на пространстве шириной с километр, вольготно располагался пригород: серые унылые «хрущевки», классические двухэтажные дощатые домишки, избушки с огородами и палисадниками, какое-то здание складского облика с неразличимой отсюда вывеской и наглухо запертыми железными воротами. Там и сям лениво валялись беспородные собаки, бродили куры, в тенечке устроилась дебелая свинья. Стояла тишина, воздух был чистейший, хоть в загазованные мегаполисы его продавай в цистернах, безмятежно и величаво зеленел густой сосняк со значительными вкраплениями то ли елок, то ли пихт, над головой расстился лазурный небосклон с белым разлохматившимся следом самолета. Классическая глушь: безмятежная, сонная, ленивая... Смолин не был восторженным интеллигентом, а потому умиляться всей этой очаровательной патриархальности не стал, он попросту стал высматривать нужный ему дом. Насколько он разглядел таблички и номера, искомой была вон та «хрущевка», где у одного из подъездов стоял двухдверный «ГАЗ-69».

– Ты меня возьмешь? – спросила Инга, в отличие от Смолина, озирающаяся с открытым восторгом.

– Нет, – ответил Смолин. – Вон, видишь лавочку? Там ты посидишь, пока я закончу.

– Не доверяешь? – прищурилась девушка с некоторой обидой.

– Что за глупости, зайка, – сказал Смолин. – Я б тебя и брать не стал, если б не доверял...

– А что ж тогда?

Смолин склонился к ее уху, сказал веско:

– Исключительно забота о тебе, верь не верь... Понимаешь, милая, эта *негоция*, которой я тут заниматься собираюсь, все же явственно пахнет нарушением закона. Мало ли что... Постой уж на всякий случай в сторонке, чтобы тебя там не было ни в каком качестве. Я-то привык выпутываться из всевозможных непоняток, а у тебя такой привычки нет... Уяснила?

– Тебя что, арестовать могут?

– Типун тебе на язык, – сказал Смолин без улыбки. – Да нет, не жду я *таких* уж пакостей, но все равно – береженого бог бережет, а небереженого конвой стережет. Есть вещи, которые нужно делать автоматически – ну, как «переходя улицу, оглянись по сторонам». Ежели покупка из-под полы неучтенной *археологии* носит хоть малейшие признаки незаконности – следует держать ухо востро... Ладно, я быстренько. Посиди пока.

Он поставил рядом со скамейкой сумку, одернул пиджак. Вид у него был не то чтобы представительный, но безусловно приличный и располагающий к себе. Аккуратный легкий костюмчик, не дорогой и не дешевый, глаженная белая рубашечка в полоску, очки (с простыми стеклами) и серый берет. Положительно, городской интеллигент из небогатых бюджетников. Очки, как и берет, между прочим, здорово меняют внешний облик – и сбивают с толку тех, кто в *другом* обличье тебя не видел. Нехитрый прием, но порой очень действенный...

Аккуратно заправив под пиджак ворот рубашки, Смолин мимоходом коснулся локтем твердой выпуклости под мышкой (впрочем, кобура-оперативка снаружи совершенно неза-

метна). Бумажник с документами покоился в левом внутреннем кармане, тщательно застегнутом на пуговичку, в правом, точно так же застегнутом, помещался конверт с деньгами. Триста тысяч были в рыжеватых «пятерках» и места занимали немного, так что карман совершенно не оттопыривался. В левой руке у него был свернутый полиэтиленовый пакет с логотипом одного из шантарских магазинов – достаточно объемистый и прочный, чтобы без хлопот уместить в него все здешние приобретения, ну, а газеты для упаковки у хозяина, надо полагать, найдутся...

Тишина и благолепие. Вокруг – ни единой живой души, если не считать терпеливо сидевшей на лавочке Инги. Даже если в автобусе был «хвост», укрыться ему для наблюдения было бы решительно негде. Стоп, стоп, одернул себя Смолин. Не стоит доводить разумные предосторожности до паранойи. *Чересчур* громоздкая и сложная ловушка для товарища Летягина – выманивать для не вполне законной сделки аж в Предивинск, подставлять безукоризненного Евтеева... у которого самый настоящий паспорт с предивинской пропиской. К тому же речь идет не о каком-нибудь парабеллуме в исправном состоянии (на котором, кстати, погорел Коляныч, тоже не малое дите), а об археологической *копанке*, с помощью которой, строго говоря, неимоверно трудно пришить серьезную статью. Так что не стоит усугублять...

Он вошел в обшарпанный подъезд, где изрядно пованивало кошками и пригоревшей капустой, морщась, поднялся на третий этаж, не мешкая надавил кнопочку старомодного звонка. Внутри протяжно задребезжало. Очень быстро послышались шаги, и дверь – без всяких вопросов изнутри – распахнулась. Перед Смолиным стоял Николай свет Петрович Евтеев, в дешевеньком спортивном костюме с отвисшими коленками. На лице провинциального интеллигента изобразилась нешуточная радость, и он проворно отступил:

– Заходите, Василий Яковлевич, заходите... Да не разувайтесь, к чему...

Старательно пошаркав подошвами по резиновому коврику, Смолин прошел в комнату с задернутыми наполовину шторами из дешевенького ситчика или чего-то подобного, давным-давно снятого с производства. Он не оглядывался открыто, но, прищурясь, поводил глазами вправо-влево, сторожко и цепко, как дикий зверь, впитывая впечатления и оценивая обстановку. Слева – дверь во вторую комнату. Эта, надо полагать, исполняет функции гостиной: телевизор, пара кресел, диван, книжная полка: книги в основном старые, шестидесятых-семидесятых, классический набор задрипанного интеллигента, Шукшин-Хемингуэй-Шишков-Чапек... фантастики немного, «макулатурные» книжки... история... археология... путешествия... Мебель, телевизор – все опять-таки старое...

– Опомниться не могу, – заговорил Смолин громко, весело, глядя открыто, беззаботно, – Места у вас прямо-таки чудесные, а уж вид из окна сам по себе... У нас за квартиру или дом с таким видом процентов двадцать пять накинут непременно... А из той комнаты и вовсе на тайгу вид открывается, а? Ничего, если я гляну...

Говоря это, он непринужденно, с милой бесцеремонностью распахнул дверь в соседнюю комнату, поменьше, окно которой и в самом деле выходило аккуратно на пологий, заросший живописной тайгой склон. Никого. Узкая односпальная кровать, еще одна книжная полка, шифоньер. Можно, конечно, предположить, что именно в нем кто-то прячется, но это опять-таки будет паранойя, пожалуй...

– Чудесный вид, – Смолин, прикрыл дверь и вернулся в гостиную. – Так бы тут и поселился.

– Переезжайте, – усмехнулся хозяин. – У нас квартиры, по вашим меркам, стоят сущие копейки...

– Да где там, – грустно поведал Смолин, озираясь с тем же откровенным дикарским любопытством, отлично разыгранным, – привык я к Шантарску, никуда уже не денешься, да и дела... Ничего, если я руки помою? В обоих смыслах?

– Да ради бога...

Оказавшись в крохотном совмещенном санузле, Смолин моментально определил, что уж тут-то спрятаться человеку просто невозможно – разве что, сплюснвшись волшебным образом до толщины тарелки, забраться под ванну. Но волшебства в нашей жизни что-то не наблюдается – черт его знает, к добру или к худу...

В микроскопической кухоньке тоже не мог укрыться посторонний – едва войдя в квартиру, Смолин ее рассмотрел мгновенно, благо дверь распахнута. И так, вроде бы все спокойно... Чтобы не нарушать легенду, он без особой охоты, но шумно сходил по-маленькому, спустил воду, торопливо ополоснул руки. Вышел в гостиную, опустился в продавленное кресло. Поскольку хозяин как раз закурил, то и Смолин без церемоний вытащил сигареты. Присмотрелся.

Евтеев *нервничал*. Тут и провидцем не надо быть: суетливость в движениях и взгляде, нервные жесты, по комнате зашагал без особой нужды, покосился *странно*...

А впрочем, это ни о чем скверном еще не говорило. На месте этого провинциального деятеля Смолин тоже волновался бы не на шутку, предвкушая, что вот-вот станет обладателем сказочной по предивинским меркам суммы... да еще не на шутку опасаясь, что заезжий покупатель может сотворить какую-нибудь пакость: черт их ведает, этих городских, ушлый народ, на ходу подметки режут, мало ли как вокруг пальца обведет. Занервничаешь тут...

– И так, Николай Петрович? – с широкой улыбкой поинтересовался Смолин. – Перейдем к делам нашим скорбным?

Хозяин встрепенулся:

– *Скорбным?*

– Это шутка, – терпеливо сказал Смолин, привыкший иметь дело с разнообразнейшими, порой самыми удивительными клиентами. – Приступим? Вещички бы посмотреть...

– А деньги вы привезли? – Евтеев нервно сглотнул, закашлялся, раздавил до половины выкуренную сигарету в массивной хрустальной пепельнице (лет сорок назад копейки стоила).

– Конечно. Как договаривались и сколько договаривались.

– А можно полюбопытствовать?

– Вы что, мне не верите? – укоризненно спросил Смолин.

– Да верю я вам, верю... Но, знаете ли, бизнес...

– Понятно, – сказал Смолин. – Деньги против стульев. Извольте.

Он достал не заклеенный конверт, извлек тощую пачечку «рыжих» и развернул их этаким веером.

– Да, вроде бы...

– Не «вроде бы», а триста тысяч, – с усмешечкой сказал Смолин. – Как договаривались. Потом сами пересчитаете. Да, деньги, конечно же, настоящие...

– Ох, да что вы... Я не имел в виду...

– Бизнес, да... – с неопределенной интонацией пожал плечами Смолин. – Ну, показывайте вещички.

Подставка под телевизор была шкафчиком (помнившим еще, пожалуй, Хрущева во всем блеске официального поста). Евтеев присел на корточки, распахнул отчаянно заскрипевшую, покосившуюся дверцу (фанера в нижнем левом углу отстала и коробилась). «Сдох бы, но не стал бы так жить», – с легкой брезгливостью подумал Смолин и поторопился придать лицу нейтральное выражение, не иллюстрирующее потаенные мысли.

Выпрямившись, Евтеев со стуком опустил на столик рядом со Смолиным две картонных коробки. Отступил на шаг, сел в соседнее кресло, потянулся за сигаретой, вымученно улыбнулся:

– Вот, смотрите. Все, чем богаты...

Аккуратно подстелив старую газету, Смолин достал маленькую, но сильную немецкую лупу в черном пластмассовом корпусе и не без приятного волнения вытащил из ближайшей коробки первое, что подвернулось – ветвисторогого оленя – большую бляху, темного, почти что черного оттенка, покрытую толстыми, рыхловатыми ядовито-зелеными полосками окиси (главным образом в углублениях).

Вот именно: толстыми... рыхловатыми...

Он даже не стал разглядывать археологическую редкость в лупу – поднял к глазам, печально хмыкнул, покивал головой. И отложил небрежно на край газеты.

Достал овальную пряжку. Приятное возбуждение быстро улетучивалось. Все так же покачивая головой, Смолин отложил и этот раритет, извлек третий – то же самое. Он больше и не пытался присматриваться, изучать вдумчиво: доставал предмет за предметом и, окинув беглым взглядом, небрежно откладывал, точнее, совсем уж пренебрежительно швырял на кучку просмотренных. Выругал себя в глубине души – надо ж было так пролететь, размечтался, прибыли начал считать...

– Что-то не так? – напряженно спросил Евтеев.

Вторая коробка тоже опустела. Аккуратненько, в виде и исключения, Смолин отложил последнюю вещичку. Поднял глаза, покривился, пожал плечами:

– Увы, Николай Петрович, увы... Если вы это покупали, то от всей души надеюсь, не заплатили слишком много...

– То есть? Простите?

Без всякой дипломатии Смолин сказал безжалостно:

– Фуфло все это, простите великодушно. Гроша ломаного не стоит... то есть стоит, конечно – но натуральные копейки, если продавать туристам как экзотические сувениры.

– Но позвольте, как же так...

– Господи, вы же музейщик, – сказал Смолин. – Что, никогда в жизни не слышали об *индустрии* подделок? Это все, без исключения – новоделы, причем не особенно искусной работы.

– Вы точно уверены?

– Профессия такая, знаете ли, – сказал Смолин. – Давненько ею занимаюсь. По фотографиям, конечно, нельзя было определить, но вот так, вживую и гадать нечего.

– Но ведь окись...

Печально усмехнувшись, Смолин огляделся в поисках подходящего орудия труда. Не усмотрев ничего полезного, взял со стола свою одноразовую зажигалку, перевернул в пальцах, взял ближайшую «древность» и, ловко орудуя краешком зажигалки, в два счета соскреб на газету чуть ли не весь слой «окиси», рыхлой комковатой, ненатуральной. Послунив кончик носового платка, с силой потер впадину – после чего на темном металле не осталось ни одной зеленой крупинки. Продемонстрировал вещь и платок Евтееву:

– Видите? «Вековая окись» эта в два счета изготавливается из немудреных химикатов, которые можно за копейки купить в любом приличном хозяйственном магазине. Крепенько наколол вас кто-то. Если он еще в пределах досягаемости и вы заплатили *хорошие* деньги – стоит быстренько его найти и набить морду...

– Но постойте! Те вещи, что я привозил в Шантарск...

– Вот как раз *те* были самыми доподлинными, – сказал Смолин. – Зато вот это, – он небрежно, не глядя, дернул подбородком в сторону кучки: – фуфло законченное. Видывал я подделки и убедительнее...

Рывком поднявшись из кресла, Евтеев прошелся по комнате, точнее, сделал по паре шагов вправо-влево. Резко повернувшись подошел к окну, рывком распахнул занавески и уставился на улицу. Смолин, честно признаться, особого сочувствия не испытывал: так оно

и бывает, когда человек берется не за свое дело, вздумав (точнее, вбив себе в голову, что непременно сумеет) разбогатеть в одночасье. Кто ж виноват, умник захолустный...

– Значит, вот так, – протянул Евтеев снова плюхнувшись в жалобно скрипнувшее кресло. – Фуфло... А вы знаток, Василий Яковлевич, знаток...

Чего-то не хватало в общей картине происходящего. И Смолин очень быстро сообразил, чего именно: жесточайшего разочарования, которое просто обязано было отразиться на лице собеседника. Человек, рассчитывавший огрести астрономическую по здешним меркам сумму и окончательно понявший, что не получит ни копейки, должен и держаться, и выглядеть совершенно *иначе*.

А потом ему пришло в голову, *каким* в данной ситуации может оказаться *следующий* ход принимающей стороны. Он напрягся – и тут же хладнокровно констатировал: поздно...

В прихожей уже азартно топотали несколько ног. Буквально через секунду в гостиную ввалилась, показалось сначала, целая толпа, но тут же ясно стало, что вторгшихся всего-то трое.

Самый из них неопасный и неинтересный, малец лет четырнадцати, остался у двери, таранился на Смолина с чуточку комичной смесью гордости и нешуточного возбуждения. Второй, здоровенный лоб лет двадцати пяти, по роже видно, выполнял тут функции «группы физической поддержки» – и, в общем, ясен был как таблица умножения, достаточно было одного взгляда на его низколобую, не обремененную интеллектом рожу.

А вот третий был самый здесь опасный – пусть и невысокий, пусть и щуплый, мозгляк мозгляком. Тот специфический жизненный опыт, которого Смолин нахлебался досыта не по собственному желанию, мгновенно о себе напомнил. Ручаться можно, что не ошибся: некоторая худоба лица, этакая *обтянутость* кожей скул, взгляд, выражение глаз, улыбочка, общее впечатление... Старый зоновский сиделец – причем, очень похоже, совсем недавно пришедший от «хозяина»...

Прошное, казавшееся навсегда забытым, нахлынуло на Смолина, как порыв ледяного ветра, он подобрался, как зверь, готовый к схватке за выживание.

Какое-то время стояла напряженная тишина.

– Не покупает, а? – без улыбки сказал щуплый.

– Не покупает, – чуть шутовски развел руками Евтеев. – Оне нашим товаром брезгуют...

Тон у него был, вопреки ожиданиям, ничуть не подхалимский, не подчиненный. Смолин неотрывно смотрел на них на всех – и помаленьку начал находить определенное сходство меж Евтеевым и Щуплым: несомненная похожесть лиц, даже голосов, нечто неуловимое в манере держаться, осанке... Он, конечно, мог и ошибаться, но сходство очень уж явно просматривалось. Родственнички, блин...

Щуплый вынул руки из карманов – пальцы украшены целой коллекцией наколок-перстней, и, надо сказать, серьезных, легко расшифрованных тем, кто понимает. Никак не первоходок, видно, что не одну дюжину коц истрепал...

Тихий щелчок – и из кулака Щуплого выскочило блестящее лезвие ножа, больше напоминавшего шило. Ни к чему *мирному* такая вот зоновская самоделка изначально не предназначена, смастрячена для одной-единственной задачи: воткнуться в организм на приличную глубину с самыми печальными для организма последствиями.

Щуплый впервые улыбнулся – скупой, *бегло*:

– Ну что, дядя, понял расклад? Вынимай денежку и аккуратно клади на столик. А потом можешь валить на все четыре стороны. Зуб даю, не тронем...

Страх Смолин не испытывал – одну только злость и на этих провинциальных разбойничков, и на себя. На себя не было особых оснований злиться, ловушка, надо сказать

подстроена качественно, весьма даже изящно и талантливо... но все равно, он ругал себя последними словами, так было чуточку легче.

– Ну что ты вылупился? – не сердито, не издеваясь, скорее даже с некой печалью поинтересовался Щуплый. – Ты же вроде бы не дурак, а? Вот и прикидывай расклад в темпе вальса. Куда ты отсюда, на хрен, денешься? Хорошая была идея, конечно, – кинуть тачку возле мусоров, но получилось тебе же хуже...

Машину Смолин оставил в центре Предивинска, у длинного одноэтажного здания купеческой постройки, где помещались милицейский райотдел, прокуратура и почему-то райсобес. Выходит, все же был хвост? Он присмотрелся. Пожалуй что, память и зоркий глаз не подводят: именно этот оголец, сопляк драный ехал с ними в автобусе. Ну да, он еще в ответ на какое-то замечание въедливой старушонки обложил ее так затейливо, что даже для нынешних времен было чересчур...

– Ты не переживай, – Щуплый поигрывал ножиком-шилом с плоской коричневой рукояткой. – Если б ты сюда на тачке приехал, ничего б для тебя не изменилось... А девочка, она тебе кто? Неужто дочурку поволок в такую даль?

– Хрен там дочурка, – прокуренным фальцетом сообщил мальчишка. – На дочурок так не смотрят, он ее, точно, тянет...

– Тем лучше, – расцвел в улыбке Щуплый. – Тебе, дядя, не за себя одного беспокоиться надо, а за двоих сразу, усек? Ну, ты долго будешь мое терпение испытывать? Лавэ на стол, и вали отсюда...

– Ага, – сказал Смолин, – а ты мне – *перушко* в спину?

– Окстись, блаженный, бог с тобой, – ухмыльнулся Щуплый. – На кой мне ляд тебя мочить? Ты ж все равно ни единой живой душе словечка не пискнешь, точно?

Самое печальное, что он был прав. И, нимало не колеблясь, мог отпустить Смолина восвояси целым и невредимым. Во-первых, ничего невозможно будет доказать, номера купюр не переписаны, презумпцию невиновности никто не отменял. Во-вторых, есть и гораздо более унылые соображения. «Эти подонки отобрали у меня триста тысяч, товарищ майор!» И после этих слов самый тупой и нераспорядительный мент, конечно же, поинтересуется: а как вы, собственно говоря, гражданин Смолин, оказались в той квартирке и зачем поперлись в такую даль из родного Шантарска, в нашу глухомань, имея в кармане триста тысяч рублей?

И *что* ответить? Правду? «Видите ли, товарищ начальник, я собирался у хозяина квартиры прикупить некоторое количество археологических находок, которые считал подлинными...»

Большей глупости и совершить невозможно, то-то Летягин возрадуется, а с ним и неведомый пока *Икс* ...

– Ну, что молчишь? Прикинул хрен к носу?

– Я вот думаю... – сказал Смолин. – Вы, оба-двое, часом, не родня? Что-то похожи...

Евтеев и Щуплый улыбочиво переглянулись, Щуплый покивал:

– Соображает, интеллигент, хоть и очки надел... Ну да. Вот лично я – его беспутный братец, как в романах. Читал, наверно? Вот так и мы с Николашей: он подался по умственной части, а я – по бродяжьей... Тебе-то что с того?

– Значит, два брата-акробата... – произнес Смолин медленно. – А кто придумал?

– А какая тебе разница, прохожий? Ты, главное, побыстрее вынимай денежки, клади на стол – и можешь сваливать... Точно тебе говорю, уйдешь целехоньким.

– Слышь, Татарин, – проникновенно сказал верзила, – дай я ему пару раз...

– Цыц под лавку, – сказал Щуплый, он же Татарин, вроде бы беззлобно и даже ласково, но облом заткнулся моментально. – Если ты ему дашь пару раз, ему будет больно, лялька любить не будет... О! Сейчас Мишаня, пацаненочек наш, сбегает вниз и культур-

ненько попросит ляльку подняться в хату. Она наивная, ничего такого не подозревает, она пойдет...

Вася, тебе это нужно? Чтобы мы тут с лялькой во что-нибудь занятное поиграли, коли ты добром деньги выложить не хочешь? Или ты такой козел...

– За козла ответишь, – грубо сказал Смолин.

– Чего-о? Перед кем это?

– Передо мной, – Смолин медленно поднялся (нет, не отступили и не придвинулись, остались на прежних местах, значит, уверены в себе), встал спиной к подоконнику, сложил руки на груди. – Татарин, говоришь? А я – Червонец, очень приятно. Кликуху давала в семьдесят восьмом минусинская тюрьма. Как поет Асмолов – ну чего ты вылупился, дядя? Два срока у меня, Татарин, в сумме три судимости, а ты со мной, как с интеллигентом каким...

– Ну да? – без эмоций протянул Татарин. – И что ж ты, сокол ясный, в подтверждение выкатишь?

– Давай подумаем, – сказал Смолин. – Ты, я прикидываю, примерно моих лет, значит, попробуем... Савостинская пересылка, «двадцать семь дробь пять», буркитский лесоповал... Тюлень, Азер, Люма Черный, Барабан, Гаврило-Пивохлеб, Ляпсус, Серый...

– О! Который Серый?

– Ростовский, – ответил Смолин. – «Мама, не горюй, идем на дно», знаешь?

– И где ты с ним тянул?

– Да там же, в Бурките, – сказал Смолин чистую правду. – Не доводилось заезжать?

– А кто абвером командовал в Бурките?

– Тоже мне, вопрос... – пожал плечами Смолин. – Капитан Климентьев Вячеслав Иванович, прозвище Цыганок, сука редкостная... Я тебе много могу рассказать про Буркит и про другие места тоже... Устроим вечер воспоминаний?

– Не стоит, – отмахнулся Татарин. – К чему... Бродяга?

– Один на льдине, – сказал Смолин.

– Тем лучше, прохожий, тем лучше... – усмехнулся Татарин одними губами. – Один на льдине – это все ж не деловой, есть серьезная разница, а? За *тебя* меня на спрос не потянут, так что ничего особенно не меняется... Капусту выкладывай, Червонец, не тяни. И линия куда тебе надо. Извини, не буду размякать душой оттого, что ты когда-то тоже сходил на зону. В этой паскудной жизни, Червонец, каждый за себя, только бог за всех, но до него далеко... *Звиняй*, братка, деньги нужны – а у тебя определенно не последние. Перехитрили тебя, чего уж там, так что не ерепенься, а то я и в самом деле Мишаню пошлю твою зайку в гости пригласить... Ну?

– Знаете что, землячки? – спросил Смолин спокойно. – Беда ваша в том, что воспитывались вы в глухомани и от городских ухваток давно отстали, если вообще были в курсе. В двадцать первом веке живем, если кто запомнил...

Он отбросил полу пиджака и одним движением вырвал из подмышечной кобуры наган. Навел его на Татарина, коего справедливо полагал самым здесь опасным, и сказал:

– Ну что, крести козыри, Татарин? Пальчики разожми аккуратненько и не вздумай рукой дергать...

Он оценил собеседника совершенно правильно: тот и не подумал глупо дергаться, ни словечка не произнес, вообще не *ворохнулся*, только губы сжались плотнее да глаза сузились. В следующую секунду Татарин, не сводя глаз со Смолина, не шевелясь, разжал пальцы, и выкидуха глухо стукнулась об пол.

– Шаг влево, – сказал Смолин, для верности указав направление свободной рукой. – Вдоль полок с книжной премудростью, до самой стеночки... Кому говорю!

Двигаясь медленно, будто по льду, Татарин отступал влево бочком-бочком, пока не оказался у стены.

– Скажи своим, чтоб не дергались и смирнехонько шли к тебе, – продолжал Смолин жестко. – Ты ж умный, Татарин, ты огни и воды прошел... Если я тебе в лоб жахну, вряд ли кто меня искать будет по всей великой и необъятной, ты все же, прости за прямоту, не *настолько* крут...

– Подошли! – бросил Татарин, привалившись плечом к выцветшим, дрянненьким обоям. – Все ко мне подошли!

Первым сорвался с места верзила, пепеливший Смолина взглядом, но молчавший. Следом в нешуточном испуге кинулся мальчишка, отрок долбаный. Последним в шеренгу встал хозяин квартиры, повернулся к беспутному братцу, вскрикнул прямо-таки моляще:

– Серега...

– Ну, что поделать, Колян. При таком раскладе... – оскалился Татарин, не сводя глаз со Смолина. – Червонец...

– Аюшки?

– И что, стрелять будешь?

– Нет, пукать на мотив «Интернационала», – сказал Смолин холодно. – Теперь, Татарин, послушай мой расклад... Я ж тебе говорю, я не интеллигент и в этой жизни видывал виды... Божусь за пидараса, если что, валить буду всех. Вплоть до щенка – свидетели в таком деле ни к чему. Вы мне потом по ночам сниться не будете, уж точно... и вряд ли станете под окном скрестись... У меня налаженный бизнес, Татарин, я в Шантарске не последний человек – и ради того, чтобы так оставалось и впредь, я вас положу... Если дернетесь.

Он видел по глазам, что Татарин к его словам отнесся очень даже серьезно. По спине у Смолина не то что капли пота поползли – рубашка на спине стала мокрехонькой, прилипла к подкладке пиджака.

Нервы у него были не железные, а риск – огромный...

Он с животной радостью отметил, что этим придуркам из глухомани наверняка не знакомы свеженькие городские технические новинки. Дело в том, что в руке у него чернела безобиднейшая игрушка – пугач, заряжавшийся капсюлями от охотничьих патронов, не способный причинить вред даже инфузории. Только в прошлой жизни эта штука была *настоящим* наганом. Превеликое множество их до недавнего момента хранилось на армейских складах, а потом какие-то рачительные деятели додумались пустить старые запасы в продажу, переделав заводским образом под газовый патрон, под резиновые пули или просто в безобидные пугачи, продававшиеся каждому желающему. Самый настоящий наган сорок третьего года выпуска, разве что в дуло качественная заглушка вбита, в гнезда барабана вставлены втулки под капсюли – да еще, как уверяет Фельдмаршал, сбита соосность. Но по виду – стопроцентный боевой наган прежнего времени, даже опытные люди поначалу обманывались...

– А попадешься потом? – с ласковой угрозой поинтересовался Татарин.

– Ну, давай прикинем... – сказал Смолин раздумчиво. – Четыре выстрела – это быстро. *Пальчиков* моих в хате не осталось, разве что на этом... – он кивнул на кучку новодельных «раритетов». – Но я их быстренько по карманам распахиваю... Время летнее, август на дворе, народишко кто по грибы подался, кто с работы не вернулся, кто водку глушит... А выскочить мне и из хаты, и из подъезда – три секунды. Вид у меня приличный и располагающий, пока кто-то обеспокоится, я буду далеко. Мне всего-то от подъезда отойти – и докажете потом... При самом лучшем раскладе вас тут найдут только к ночи... если вообще обратят внимание. Провинция, мало ли что грохочет, может, это у Кольки гвозди забивали или там спяну утюгами кидались... Вы ж местные, ребятки, лучше меня знаете, как тут у вас обстоит с любопытными... Ну кому в голову придет в хату ломиться, заслышав хлопки? Плунут и на другой бок повернутся... Или ты, Татарин, в самом деле веришь, что уже через полминуты один сосед начнет ноль-два набирать, а полдюжины других в хату бросятся? Нет, серьезно? Объясни мне, если я неправильно все рассчитал...

Татарин угрюмо молчал.

– Ты меня матерни, легче станет, – серьезно сказал Смолин. – Только не теми словами, за которые... ну, да ты знаешь, не пальцем делан.

Материть его Татарин не стал – только оскалился еще больше и сообщил:

– Я тебя потом поищу, Червонец... Лады?

– Не советую, – сказал Смолин. – Я кусачий.

– Вот и поглядим, у кого прикус ловчее.

– Дело, конечно, твое... – молвил Смолин. – Ладно, я пожалуй, пошел...

Держа наган так, чтобы чей-нибудь зоркий глаз не углядел результатов переделки, способных прояснить истинное положение дел, Смолин по стеночке, по стеночке добрался до двери. Спина намокла так, словно ему за шиворот плеснули добрую кружку воды.

Стоя в прихожей, он покосился на замок, в котором торчал ключ. Положительно, ему сегодня везло – как и все здесь, замок оказался старинной системы, которую без ключа хрен откроешь изнутри. Где-то у хозяина, конечно, есть запасной, но на его поиски потребуется время, а если учесть, что все на нервах...

Точно рассчитав движения, Смолин отступил к двери, рывком выхватил ключ из скважины, распахнул дверь и выскочил на площадку. Левой рукой быстро всадил ключ, повернул его дважды, дернул дверь. Убедившись, что запер ее, что есть силы грохнул по ключу рукояткой нагана. Ключ сломался, та часть, за которую берутся пальцами, полетела на пол, а остальное намертво застряло в замке. Дверь уже дергали за ручку изнутри, что есть мочи, сгоряча, слышались неразборчивые возбужденные голоса, кто-то (есть сильные подозрения, тупой верзила) со всей своей дурацкой силушки пнул дверь. Непонятно, чего он этим рассчитывал добиться, если дверь открывалась внутрь, – ну да что возьмешь с дурака...

С третьего этажа сигать не будут, не идиоты, мелькнуло у Смолина в голове. А дверь им так просто не одолеть, так что есть время в запасе – но мало, чертовски мало...

Он спрятал наган подмышку, тщательно застегнул ремешок и на цыпочках побежал вниз по лестнице, пахнувшей кошками и подгорелой капустой. Следовало поторапливаться, ох, как поторапливаться...

Глава 4

Зеленое море тайги

Он не терял головы, не паниковал – скверно, конечно, но всякое бывало... Пока несея вниз, в голове зародился... нет, не то чтобы четкий план, но все же некий набросок действий на ближайшее время. Ну, а там видно будет. Главное сейчас – срубить хвост тяткой...

Остановившись перед дверью подъезда, он глубоко вдохнул пару раз (не паниковать!), пригладил волосы пятерней, поправил берет, носовым платком быстренько вытер пот со лба. Одернул пиджак, поправил очки, едва не соскользнувшие с носа. Решил, что вид у него прежний – спокойного, интеллигентного человека, ни в каких сложностях не замешанного.

Еще раз вздохнув полной грудью, распахнул дверь, ожидая всего на свете. Татарин мог и оставить у подъезда кого-то еще для пущей надежности...

Нет, настолько далеко его предусмотрительность все же не простиралась. Ни одной живой души окрест, если не считать терпеливо сидевшей на лавочке Инги. Завидев Смолина, она оживилась, лицо стало радостным... Моментально оказавшись с ней рядом, Смолин крепко взял ее за руку и буквально поднял с лавочки, задыхающимся шепотом сообщил на ухо:

– Иди за мной, живенько и без вопросов... Живо!

И, не теряя времени, повел ее вдоль дома, под самыми окнами первого этажа. Инга семенила за ним с растерянным и удивленным лицом, но вопросов не задавала (молодец, зайка!). Смолин, шагая размашисто, все время старался не сорваться на бег – заметит кто-нибудь, присмотрится, может рассказать потом, как с заячьей прытью несея приличный на вид человек в очках и берете да еще красивую девушку за собой волок, такое запоминается...

Смолин свернул направо, за угол дома. Не колеблясь, направился к близкому лесу, увлекая за собой Ингу. Достигши первых елок (а может, и пихт, не потрогав, не разберешь), свернул влево, и они метров сто в приличном темпе двигались в тенечке и прохладе. Потом Смолин свернул направо, они стали подниматься вверх, наискосок по склону. Что-то оттягивало Смолину правую руку – ах да, сумка с купленными у деда вещичками. Когда он успел ее подхватить с лавочки, не помнил. Рефлекс какой-то сработал.

Безмятежная тишина, чистейший воздух, насыщенный горьковатым ароматом хвои, под ногами то и дело попадались серые корни, вылезшие на поверхность, нужно поглядывать, чтобы о них не споткнуться, сейчас в первую очередь следует беречь ноги, подвернешь – пропадешь, нафиг.

Инга старательно пыхтела рядом, по-прежнему не задавая вопросов, Смолин даже умилился (умница все же!) – но только на краткий миг. Для эмоций и чувств не было времени...

Оглядевшись, он остановился, прошел еще с десятков метров. Ну вот, пожалуй, и наблюдательный пункт. Сквозь деревья отсюда открывается вид на пустую улицу, автобусную остановку, старый кирпичный павильончик с дощатой крышей, лишившейся за годы половины досок. Можно перевести дух, спокойно осмотреться, прикинуть то и это...

– Что? – тихонько спросила Инга, отдуваясь.

– Хреноватые дела, милая, – Смолин почти отдышался. – Если совсем коротко, это оказался не продавец, а сука. Мало того, что подсунул подделки, там еще объявилась куча отморозков, которые хотели вульгарно вывернуть мне карманы. Ну, я кое-как ушел... Не хочу я тебя пугать, но народец опасный.

– Бандиты?

– Вроде того. Так что не расслабляйся, понятно? И не паникуй, главное, не паникуй...

– Они за нами погонятся? – спросила Инга *почти* спокойным голосом.

– Да уж наверняка, – кивнул Смолин. – Вот только куда им за нами гнаться, они еще до-олго не сообразят...

– Милиция...

– Какая тут милиция, – поморщился Смолин, – тут глухомань...

– Ну, тогда нужно...

– Бежать?

– Да.

– Вот бежать пока что не стоит, – сказал Смолин, насколько мог мягко и убедительно. – Тот, кто драпает, не рассуждая, тот и проигрывает. Бежать надо *умеючи*, рассудочно...

– А куда нам...

Взяв ее за шею, Смолин легонько притянул девушку к себе и сказал со всей возможной мягкостью:

– Помолчи немножко, хорошо? Я обязательно придумаю что-нибудь, и не в таких переделках бывали. Только помолчи пока, пожалуйста...

Она замолчала, стояла рядом, понурясь. Вообще, Смолина Инга привлекала еще и тем, что мало в ней было *балованности*, вполне современная городская девочка, но не капризная, без капельки дурного феминизма...

Ну, что ж, прикинул он. Заметить их в чащобе снизу будет, пожалуй что, мудрено: костюм на нем темных тонов, на Инге джинсы и серая курточка поверх белой футболки, ничего особенно яркого... Если попробовать, как водится, поставить себя на место противника, какого хода мыслей следует ожидать?

Пожалуй, о том, что добыча юркнула в прилегающую тайгу, задумаются в последнюю очередь. Для здешних обитателей медвежьего угла и Смолин, и Инга подсознательно характеризуются как *городские*. Люди, обитающие посреди многоэтажных домов, асфальта и всего такого прочего. Горожанин и тайга в размышлениях провинциала как-то не сочетаются...

К машине, конечно, нельзя. Возле милиции с прокуратурой их, понятное дело, тронуть побоятся – но ведь до Шантарска триста километров трассы, большей частью проходящей по глухим и совершенно безлюдным местам. Какие-никакие колеса у этих подонков отыскаться смогут – да вдобавок, глядишь, и обрез или нечто подобное. Нет, самостоятельно уходить по трассе очень уж рискованно.

Двумя пальцами вытянув из внутреннего кармана поставленный на «беззвучку» мобильник, он присмотрелся к экрану. Как и следовало ожидать, он находился в зоне уверенного приема, эта часть области давно накрыта соответствующей аппаратурой: кроме жителей пригорода, тут находятся парочка золотых приисков, леспромхозы и все это частное, а значит, работающие там нуждаются в качественной сотовой связи...

Телефон был заряжен почти полностью. Учитывая, что у Инги свой телефон, со связью у них обстояло наилучшим образом...

Но много ли от этого проку? Мысль позвонить в местную милицию и попросить защиты для двух добропорядочных граждан, попавших в лапы местного хулиганья, он отмел сразу: по тем же причинам, что уже были подробно обдуманы. Ну, и еще кое-какие нюансы...

Кот Ученый сейчас на вступительных экзаменах, мобильник отключил. Шварц и Фельдмаршал в поте лица заняты добыванием соответствующей аппаратуры для поисков броневика, могли не отключать свои трубки, но могли и отключить. Конечно, в Шантарске и кроме орлов из его команды нашлось бы немало народу, способного вытянуть его из этой паскудной ситуации... Позвонить хотя бы Михалычу, а полковник, мужик правильный, в два счета свяжется с местным райотделом, и сюда быстренько прикатят все наличные луноходы... Да и другие варианты имеются...

Вот только Смолину чертовски не хотелось представлять перед внешним миром в качестве позорно описавшегося ребеночка, которого при большом стечении народа пожарные снимают с высокого дерева, на верхушку которого он забраться-то забрался, а вот слезть назад испугался. Никак он не мог предстать в роли заревавшего пацанчика, которого с хохотом и прибаутками спасают здоровенные веселые дядьки. Назовите это пунктиком, как хотите, но для него это было бы невероятным унижением. Тем более что опасность все же не смертельная, а положение отнюдь не безнадежное. Случалось и хуже, и ничего – сам выкарабкался, один на льдине потому что...

Вот! Смолин встрепенулся, присмотрелся. Честная компания в полном почти составе – разве что малолетний Мишаня отсутствовал – объявилась на крохотном тесном балкончике, куда едва поместилась. Что-то они там делали, а что – отсюда не рассмотреть. Человек в желто-бело-черной полосатенькой рубашке – ну да, Татарин – вдруг лег пузом на перила, выбросил ноги в воздух, извернулся, спиной к Смолину, лицом к дому стал достаточно быстро спускаться, словно бы висел в воздухе без видимой опоры...

Тьфу ты! Это они веревку привязали к перилам. А что еще оставалось делать? Дверь так просто не вышибешь – соседи заинтересуются, а лишний шум им тоже ни к чему, хата-то принадлежит Колюнчику, человеку интеллигентной профессии, наверняка уважаемому в доме. Балкон одиночный, смежных соседских, куда можно было бы перелезть с баечкой о заклинившем замке нет...

Довольно быстро Татарин достиг земли. Следом двинулся верзила – этот спускался гораздо медленнее, неуклюже, опасливо таращась по сторонам. Голоса не долетали, но, похоже, Татарин снизу понукал его живейшим образом. Ну вот, приземлился чадушко, веревка, к сожалению, выдержала...

Появился пацан, этот слетел по веревке быстрее всех, как маленькая шустрая обезьянка. А вот Николай Петрович, мозговой центр сраный, что-то вниз не спешил, так и торчал у перил, без малейших поползновений поиграть в альпиниста. Трусит, падла, определенно.

Остальные, впрочем, не пытались призывать его присоединиться к погоне. Оставив Евтеева на балконе, троица двинулась в обход дома – быстрым шагом, но не бегом, охолонули уже, надо полагать, успели кое-что обдумать и прикинуть на скорую руку.

В сторону немощенной проселочной дороги, соединявшей пригород с Предивинском, они даже не пытались свернуть – ну конечно, понимали, что Смолин не настолько глуп, чтобы двинуть по ней пешочком. Направо пошли, к автобусной остановке. Теоретически рассуждая, в смолинском положении (если исключить бегство в тайгу) имелись только два варианта: либо попробовать укрыться где-то в пригороде, либо сговорить какую-нибудь попутку до Предивинска. Из этих вариантов погоня и будет исходить, болтаясь окрест и расспрашивая всех, кто попадется на дороге.

Ага, ага... Тот самый двухдверный «газик» на бешеной скорости пронесся в сторону Предивинска – и Смолин успел рассмотреть за рулем верзилу. В машине он был один. Значит, Татарин его отослал в Предивинск, сторожить «Паджерик». Что ж, неглупо... Мобильники у них наверняка имеются – не такое уж это по нынешним временам дорогое удовольствие даже здесь. Коли уж у Евтеева лежала на столе дешевенькая «труба», остальные тоже, скорее всего, телефонизированы...

Татарин с огольцом исчезли из поля зрения. С нешуточной радостью Смолин отметил, что никто из троих за все время, пока были на виду, даже не обернулся в сторону сопки, даже беглого взгляда не бросил: значит, он угадал правильно, принимать в расчет тайгу им и в голову не пришло. А это, в свою очередь, наталкивает на следующий ход...

Он достал из бокового кармана сумки тоненький, в яркой обложке «Атлас шантарского автомобилиста». Пролистал до нужной страницы, изучил карту, прикинул расстояния. Учи-

тивая летнее время и ясную погоду, задуманный им план представлялся вполне реальным. Он покосился на Ингу: у нее, слава богу, не какая-нибудь хренотень на шпильках, а нормальные кроссовки – тем лучше, да и его обувь ближе к кроссовкам, чем к обычным туфлям. Подойдет...

– Ну вот, есть идея, – с чуточку фальшивой бодростью произнес Смолин.

Инга смотрела на него с надеждой: правильная девочка, повезло, другая городская девица на ее месте давно бы в слезы ударилась, ныть начала, раскисла б... Смолин пожалел, что до сих пор как-то не расспрашивал свою теперешнюю подругу подробно о родных, папемаме, прошлой жизни – а она сама на эти темы говорила скупое...

– Можно, конечно, звякнуть местным ментам, – сказал Смолин рассудительно, – но мне чертовски не хотелось бы светиться...

– А что, ты приехал покупать что-то такое...

– Умница, – сказал Смолин, – сразу видно журналистскую хватку. Ничего *жуткого*, не думай. Просто-напросто «черную археологию». Соображаешь? Если заикнуться, что они хотели меня избавить от денег, обязательно встанет вопрос, какого я вообще рожна сюда прикатил с такими деньжищами. Можно, конечно, без затей сослаться на то, что к нам привязались незнакомые уркаганы... но все равно, это опять-таки означает засветиться. Да и потом... Ну, довезут они нас в Предивинск... Но до самого Шантарска сопровождать уж всяко не будут. А на трассе нас и догнать могут...

– И что ты предлагаешь? – спросила Инга почти спокойно, старательно притворяясь, что ей ничуть не страшно и не тоскливо. – Из Шантарска кого-нибудь вызвонить?

– Была такая мысль, – кивнул Смолин. – Но им до нас добираться часа три самое малое... Вот тебе лично приятно будет три часа тут торчать, терзаясь неизвестностью?

Она передернула плечами:

– Приятного мало...

– То-то и оно, – сказал Смолин. – Есть чуточку более сложный, зато самый безопасный вариант... Видела, как они сыпались с балкона?

– Ах, так это они...

– Они самые. В сторону тайги даже не смотрели, никак они не берут в расчет, что мы сдернули в чащобу... Вот, смотри, – Смолин подсунул ей атлас, открытый на соответствующей странице: – Мы примерно вот здесь. Километрах в пятнадцати, я так прикидываю – ну там километром больше-меньше, – расположена деревня Зыбуново. Часа три пешочком по тайге. Я, конечно, не эвенок и не особенный вообще таежник, но кое-как могу ориентироваться. Нам нужно перевалить через сопку, пройти меж двумя грядами – видишь? – а там, судя по карте, равнина. Часика через три будем в деревне. Еще до темноты. Ну, а деревня – это машины, пусть даже старые и раздолбанные, а на худой конец – телеги с лошадьми. Денег у меня при себе достаточно, чтобы соблазнить любого аборигена, – они тут не особенно зажиточные. Далее. Смотри карту. От Зыбуново километров десять примерно до самой настоящей трассы – дорога по здешним меркам оживленная, соединяет Предивинск и Куруман, до коего километров пятьдесят. Движение там оживленное, я слышал краем уха. Либо сговорим машину из деревни до самого Курумана, либо доедем до трассы, а там нас кто-нибудь обязательно подхватит. Тут тебе не город, и пролетать мимо голосующих на обочине как-то не принято – патриархальные нравы-с... В *этих* местах я не бывал, но пошатался по другим глухотам, так что нравы, менталитет и обычаи, в общем, знаю. Ну, а Куруман... Я там редко бывал, но найдутся знакомые и знакомые знакомых. Нормальный райцентр, с гостиницей и прочими благами цивилизации. Обоснуемся там, отдохнем, высвистим туда ребят... Все уже будет гораздо проще. Ну, а эти козлы... Даже если до них в конце концов, дойдет, что мы двинули тайгой, вслед все равно не кинутся. Не дураки, ох, не дураки, прекрасно понимают, что бессмысленно гоняться по тайге за парой человек, которые успели

оторваться. Они ж не спецназовцы, не охотники и не индейские следопыты наподобие Чингачука... В общем, у нас есть все шансы.

– А это обязательно – именно так?

– Скажем, крайне желательно, – сказал Смолин. – Или ты всего этого, – он показал рукой на окружающую дикую природу, – боишься?

– Да нет, в общем... Просто я человек совершенно не таежный. На шашлыки ездила пару раз, и то неподалеку от Шантарска...

– Ну и что? Никаких тут особенных трудностей. Всего-то часа три лесной прогулки. Я же говорю, еще до темноты доберемся. Всего-то нужно – посмотреть под ноги повнимательнее, чтобы не вывихнуть ненароком. Медведей тут вроде бы быть не должно, да они в августе и неопасны. У меня даже пугач есть, – Смолин отвел полу пиджака и продемонстрировал. – Бабахает так, что любой медведь драпанет... Ну?

Лицо у нее, конечно, было явно страдальческое – но вот *сломленности*, в общем, не усматривалось.

– Ну, если ты уверен, что так будет лучше... – сказала Инга.

– Знаешь, ты у меня настоящее сокровище, – усмехнулся Смолин, – мечта умного мужика. Предоставляешь мужчине решать и выбирать, не хнычешь, не раскисаешь... Пожалуй, мне все-таки повезло, честное слово...

– Спасибо, – улыбнулась она бледно.

Вполне возможно, девушка прекрасно понимала, что некоторая доля вины на ней все-таки лежит: Смолин не особенно хотел ее брать, но она настояла, больно уж удачно для нее все складывалось: соберет в Предивинске материал для статьи и с завтрашнего дня радостно и весело уйдет в отпуск. Смолин поначалу вяло сопротивлялся, но потом уступил. Не такая уж секретная сделка предстояла. Вот и получился... отпуск.

– И зачем я сюда потащилась? – подумала Инга вслух, подкрепив эти мысли Смолина. – Сидела бы на шестом этаже, с компьютером, с газировкой... А мы не заблудимся?

– Я, конечно, не матерый таежник, – сказал Смолин, – но пара лет на лесоповале кое-какое представление о тайге дает. Так что справимся. Честно тебе скажу, я бы не рискнул устраивать таежный бросок на сотню километров, разве что в случае неминуемой необходимости... ну, а полтора десятка верст уж как-нибудь отмахаем. Дорога примерно известна, погода отличная... Нам, я так прикидываю, туда. Пошли?

– Пошли, – вздохнула Инга, тоскливо оглянувшись на еще видневшийся пригород, какую-никакую, а все же цивилизацию с электрическими лампочками, автобусами и домами.

Сначала они так и двигались по склону сопки, постепенно понижавшемуся. Когда длинная сопка, как бы выразился городской человек, кончилась, они оказались в нешироком распадке, за которым красовалась вторая сопка, столь же длинная и столь же постепенно понижавшаяся. Смолин, не собиравшись разыгрывать супермена и достал карту: чрезвычайно походило на то, что обозначенная самой тонюсенькой линией дорога, потому и делала дугу, чтобы обогнуть место, где сопки сходили на нет.

Вскоре, к их радости, они наткнулись на помянутую дорогу – точнее, то, что от нее осталось. Сразу видно было, что именно тут и пролегла лет двадцать назад лесная дорога: пространство метров в десять шириной резко отличалось от окружающей тайги: вместо могучих елей на всем протяжении бывшей дороги росли негусто молоденькие деревца толщиной не более чем в руку. Не самый удобный путь, но теперь сбиться с него было решительно невозможно.

Инга поначалу отвлекалась на всякую экзотику вроде цокавших из-за стволов белок и не встречавшихся в городе птиц, но довольно быстро этой сомнительной экзотикой пресытилась и шагала, не особенно и глядя по сторонам. Странствие это, как ему и полагается, было чертовски скучным: шагаешь себе и шагаешь, мимо столь одинаковых деревьев,

что кажется, будто кружишь на одном месте, поглядываешь под ноги, чтобы не пропустить коварную ямку, корягу, а то и змею. Говорить особенно не о чем, опасностей никаких, но и поводов для веселья тоже. Тайга – очень скучное место, если ты в нее нагрянул не романтическим туристом, а просто вынужден отмахивать километры по неотложной надобности...

Первое время Инга вертела головой чуть ли не на триста шестьдесят градусов – опасно высматривала медведя. Имевший об этих животных некоторое представление Смолин не стал ей говорить, что они вполне могли миновать на дороге пару-тройку косолапых – медведь способен передвигаться абсолютно бесшумно и, учуяв человека, попросту тихонечко растворится в чащобе так, что не увидать его и не услышать...

Может быть, кто-нибудь Смолину и звонил – он не стал переключать телефон с «беззвучки». Разговаривать о текущих пустячных делах посреди этой дикой чащобы, с его точки зрения, было бы излишним сюрреализмом. Инга, когда он ей это изложил, с ним согласилась.

Чуть ли не час парочка шагала по вырубке, ничуть не похожей на те, которые Смолин поневоле видел. Никаких куч помаленьку гниющих бревен, с российской щедростью невывезенных, практически пустое место с едва видневшимися над землей пнями: деревья были срезаны, что называется, под самый корешок. Судя по этакой скрупулезности, они наткнулись на одну из тех делянок, которые на закате советской власти выделяли японцам. Никто другой, кроме японцев, так бы не сделал: деревья спилены так, чтобы не потерять и сантиметра деловой древесины, на месте доброй половины пней виднеются лишь обрубленные корни (выкорчевали самые подходящие), щепы не осталось ни горсточки. Подданные императора старательно сгребли все сучья, ветки, чуть ли не каждую хвоинку. Наглядный урок щедрой русской душе, который означенная душа, ручаться можно, принимать к сведению не собиралась...

Вырубка наконец кончилась. Встретился ручеек с чистой прозрачной водой, и они с превеликой радостью напились.

Издалека доносились какие-то странные звуки – то ли тихое лопотание, то ли шелест. Смолин сначала насторожился, потом достал атлас, всмотрелся и довольно хмыкнул:

– Ну вот, нас можно поздравить. Совершенно правильно идем. Вот она, речка... Это речка шумит. Незаметно-незаметно, а полдороги отмахали.

– Правда?

– Сама посмотри. Мы примерно вот здесь...

– Может, тогда привал сделаем?

Смолин не стал разыгрывать сурового конкистадора-первопроходца из тех, что питались то сапогами, то ослабевшими членами экспедиции и шагали даже мертвыми. Полпути было пройдено, до темноты еще далеко, марш-бросок, в общем, проходит успешно (тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!).

– Привал так привал, – сказал он. – Только сначала до речки дойдем, там посвежее и вообще...

– Мы через нее что, переправляться будем?

– Да нет, слава богу, – сказал Смолин, предварительно сверившись с картой, – нет необходимости. Дорога вдоль речки тянется, отсюда видно...

Речка была неширокая, метров пятнадцать, но быстрая и бурная. На том берегу сопки стояли сплошной стеной, собственно, это были уже не сопки, а голые каменные обрывы – серые и рыжие, ребристые – с деревьями высоко наверху. С первого взгляда видно, что там нет прохода ни для конного, ни для пешего, оттого-то, надо полагать, дорога и протянулась по берегу где они сейчас находились. Оказалось, впрочем, что и здесь есть обрывы, пусть и не такие крутые, как на берегу противоположном – по ним можно было запросто спуститься к воде.

С блаженным вздохом опустившись на траву, Инга разбросала руки, зажмурилась. Смолин присмотрелся. Особенно изможденной она не выглядела – а с чего, собственно? Километров восемь всего и отмахали, проспект Шантарских Пролетариев и тот двенадцать в длину...

– Особенно не разлеживайся, – сказал Смолин, чтобы не расхолаживать спутницу, не сбивать с ритма. – Десять минут – и двигаем дальше, пока энтузиазм не потеряли...

– Есть, капитан, – сказала она, не открывая глаз. – Как прикажете...

– Оставайся здесь, – попросил ее Смолин, – никуда не уходи, а я спущусь к воде.

– Зачем?

– А так, – пожал он плечами. – Как тебе объяснит любой шантарский археолог, именно в таких местах селился древний человек. В естественных пещерах под обрывом. А вдруг там, внизу навалом великолепной археологии...

– И дорогой?

– И дорогой, – произнес Смолин без улыбки. – Какая-нибудь уникальная резьба по мамонтовой кости – совет старейшин заседают...

– А над ними летающая тарелка повисла.

«Отлично, – подумал Смолин. – Шутим помаленьку. Значит, в хорошей форме».

– Вот именно, – сказал он задумчиво. – А то и письмена атлантов, которые именно в наших краях спасались после катаклизма... Ладно, я пошел.

Высмотрев подходящее пологое местечко, он осторожно стал спускаться к воде по каменистому склону. Речка бодренько струилась, шумя и брызгая. Оказавшись под обрывом, Смолин с удовольствием, повернувшись спиной к воде, справил малую нужду, потянулся. Тело ощутимо ныло – давненько уже он не предпринимал столь длинных пеших прогулок: то за столом, то в машине, дело даже не в годах, а в сидячем образе жизни, мать его за ногу... С гантелями, что ли, позаниматься или на спортивную ходьбу выделить часочек? По примеру цивилизованной заграницы? Они-то за собой следят тщательно, не то что мы...

Что-то явственно плеснуло посередине речки – таймень, может? В такой глуши они еще попадаются, не всех извели...

Смолин прошел еще несколько метров и оказался у самой воды, движимый бесплодным охотничьим азартом. Нет, не видно...

Потягиваясь, он лениво озибался вправо-влево.

И замер, словно током ударило. Присмотрелся. Да нет, не почудилось – с чего бы – не пил, не вымотался. Удачно, что называется, пошутил...

Там, слева, метрах в тридцати от Смолина, над самой водой зияла небольшая темная дыра, всего-то метров двух в диаметре. Перед ней – длинная полоса земли пополам с камнями. И там, среди камней, виднелось нечто, как две капли воды напоминавшее человеческий череп...

Есть какое-то правило, точнее, физический закон, смутно помнившийся Смолину со школьных времен. В северном полушарии реки помаленьку меняют русло, старательно, тихонько подмывая левый берег. Правило... правило... а хрен его помнит, того, в чью честь это правило названо. Главное, так и обстоит.

Здесь, несомненно, произошло то же самое: речка помаленечку смещалась влево, оставляя справа часть высохшего дна... а потом она по капельке подмыла обрыв, часть его обрушилась, открыв пещерку.

Смолин не колебался ни секунды – инстинкт сработал. Быстренько разулся, скинул брюки и в одних трусах, босиком, зашлепал по воде, осторожно ставя ноги, ежась, когда под изнеженные подошвы горожанина попадали камешки.

Еще по дороге ему пришло в голову, что на археологию особо надеяться не стоит. Мало ли кому мог принадлежать череп. Давным-давно в этих местах пошаливали варнаки, пере-

хватывавшие порой купеческие обозы. Позже стреляли друг друга белые, красные и всевозможные атаманы, слыхом не слышавшие о такой ненужной премудрости, как политическая ориентация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.